

Мумия в меду

Автор:

Татьяна Коростышевская

Мумия в меду

Татьяна Георгиевна Коростышевская

Звезды романтического фэнтези

Черeda загадочных событий потрясает провинциальный Славигорск: покушения на местного олигарха, убийства, оживление древних мумий, раскрытие инопланетных технологий. И в центре всего этого оказывается она – медовая девушка Таисия Вереск.

Говорят, время лечит. Это неправда. Время убивает.

Говорят, месть – это блюдо, которое подают холодным. Это правда лишь отчасти. Если времени нет, и «горячая» месть сойдет.

У Таи есть цель, но совсем нет времени. И уж совсем его нет для любви. Но, кажется, мнением самой Таи на этот счет забыли поинтересоваться.

Татьяна Коростышевская

Мумия в меду

© Т. Коростышевская, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Тимур

Сумерки вползают в комнату через приоткрытую дверь балкона. Легкий ветерок треплет шторы и позвякивает трубочками ветряных колокольчиков. Тимур приветливо улыбается сидящей напротив девушке. Та не замечает подкрадывающейся темноты, и эта ее доверчивость заводит Тимура даже больше, чем искушенность, которую демонстрировали его предыдущие жертвы. Улыбка молодого человека становится еще шире.

Девушка явно нервничает, сутулится, покусывает губы и пытается спрятать лицо за длинной растрепанной челкой. Не красавица, нет, но и не дурнушка. Как говорится, обычная твердая «пятерка» по пикаперской классификации. Тимур, не отводя взгляда, незаметно подстраивает свое дыхание. Торопиться сейчас не следует. Пусть расслабится, начнет ему доверять... Вдох-выдох, вдох...

– Так тебя зовут Таисия?

– Да, – легкое пожатие плеч. – Таисия Вереск.

Хорошая девочка, напуганная, но от этого еще более желанная. Губы хорошей формы – нижняя губа полнее, аккуратный прямой носик, зеленоватые глаза широко расставлены и смотрят из-под каштановой челки с абсолютно детским испугом. Сейчас главное – не смотреть ниже, на грудь, угадывающуюся под тонкой тканью светлого сарафана. Грудь там что надо, зачетная, только излишний интерес к этим частям тела может не понравиться ее владелице, спугнуть ее. Тая, Таечка, Таисия... Сейчас у нее откат – она сама не понимает, зачем пришла в его квартиру, зачем слушала все его хохмочки, подколки и анекдоты. Зачем? Зачем? Он же ее, если начистоту, без особого огонька и обрабатывал-то. На одной технике. Увидел это слегка нелепое создание у торгового центра и решил дальше не искать. Можно было бы, конечно, прогуляться до ближайшего клуба, половить рыбку там, но, во-первых, финансы пели романсы, маменька решила в эти выходные не спонсировать досуг отпрыска, а во-вторых, зачем напрягаться, если можно довольствоваться малым? А эта Таисия вообще-то не такая уж и страшила. До «шестерки», конечно, не

дотягивает, но если ее причесать нормально и накрасить – то вполне сойдет.

– Вереск? Это фамилия?! Красиво... «А мне костер не страшен, пусть вместе со мною умрет моя святая тайна, мой вересковый мед».

Девушка восхищенно смотрит исподлобья. Тимур доволен, что так удачно ввернул цитату из школьной программы, он протягивает руку и легко касается узкого запястья, ставит кинестетический якорь на жертву. Девушка не протестует, хотя и вздрагивает.

«Какая же она пластичная», – думает Тимур и отпускает руку, чуть позже он прикоснется к плечу, потом к шее. Жертва должна доверять его прикосновениям. Жертва...

– Помнишь? – с полуулыбкой спрашивает он, заполняя ненужную паузу. Пусть говорит, звук собственного голоса должен успокаивать.

– Пришел король шотландский

Безжалостный к врагам.

Погнал он бедных пиктов

К скалистым берегам.

– Конечно. Но, если верить семейным преданиям, происхождение нашей фамилии менее эпично. Вереск по-украински – визг. Видимо, мои пращурсы отличались повышенной визгливостью.

Тимур смеется над удачной шуткой, не отводя взгляда от порозовевших щек девушки. Миленькая. А ведь ему и в голову бы не пришло, что такая вот типичная училка младших классов сразу после знакомства согласится на продолжение общения дома. Правда, он включил обаяние на полную – повадки уверенного самца, настойчивое приглашение на чай. Хорошо еще было куда ее пригласить – мать загорает на пляжах Шарм-эль-Шейха, квартира свободна. Надо будет еще Эдику позвонить, сказать, что встреча отменяется. Братан поймет – по кодексу братанов секс с новой цыпочкой важнее запланированной пьянки. Интересно, сколько ей лет на самом деле? Она говорила – двадцать пять, а на вид больше двадцати не дашь, но это – потому что без макияжа и

одета простовато.

Таисия одергивает на коленях юбку и смотрит вниз, на огромные клетчатые тапки, в которые ей было предложено переобуться. Кресло большое, глубокое, в нем непросто держать спину прямо.

– У тебя есть домашние животные? – краснеет, спрашивая невпопад. – Просто я собак люблю.

Тимур наслаждается происходящим, подбираясь все ближе к цели. Он всего-то чуть больше года занимается пикапом, и вот сегодня у него юбилей – сотая цыпочка, попавшая под его безусловное мужское обаяние. Трепетная лань, сдавшаяся под яростным напором альфа-самца. Жертва и...

– Собака у тебя есть? – настойчивый вопрос диссонирует с общей расслабленностью атмосферы. – Здесь, в квартире?

– Нет, – очередное прикосновение к запястью.

А пальцы у нее тонкие, длинные, с розовыми детскими ноготками.

– У тебя красивые руки.

Тактильный контакт продолжается, ее ладони сухие и горячие.

– Ты любишь серебро?

– Что? – растерянно переспрашивает девушка. – Ах, это!

Она машинально заправляет браслет под манжету рубахи и прерывает контакт.

– Пожалуй, да, люблю...

Брови у нее гораздо светлее волос, а губы бледно-розовые, с четким рисунком.

Тимур тянется к пульту, выбирает нужный трек, и через мгновение из скрытых в стене колонок музыкального центра доносится негромкий гитарный перебор. Музыка преследует сразу две цели: во-первых, расслабить цыпочку – хотя, кажется, куда уж больше, Таисия и так уже полулежит в кресле, прикрыв глаза, а во-вторых... Тимур нажимает еще одну кнопку, активируя видеокамеру.

– Тебе, наверное, неудобно в кресле? Давай ко мне. Диван длинный, мы вдвоем поместимся.

Девушка открывает глаза. В их изумрудной глубине альфа-самцу чудится сомнение.

– Фильм какой-нибудь могу поставить, – дружески предлагает Тимур. – Ты что хочешь посмотреть?

– Сегодня, в двадцать два ноль-ноль... – Таисия бросает взгляд на часы. – Я хочу смотреть на пожар.

Девушка одним рывком поднимается, перешагивает кресло с изяществом гимнастки и резко раздергивает шторы. Багровое зарево заполняет комнату, до слуха Тимура доносится взрыв, треск огня, сирены пожарных машин.

– Это торговый центр? – пугается парень.

– Он самый, – кивает девушка, сдергивая с головы каштановый парик. – ТЦ «Пирамида» – надежда и оплот городской экономики. Правда, красиво?

Тимур хочет спросить: «Ты что, пироманка?» или «Ты что, чокнутая?», а вместо этого бормочет:

– Ты блондинка!

– Иногда, – хохочет Таисия. – Если ситуация того требует.

И тогда Тимур становится очень-очень страшно. Потому что стоящая перед ним женщина вовсе не та, которую он склеил пару часов назад у полыхающего сейчас торгового центра. Та была овечкой, эта – хищная кошка.

- Что тебе от меня нужно? Денег?

- Денег всем нужно, - мурлычет кошка, мягко, на цыпочках подходя к нему. - Только твоих финансов мне для счастья не хватит.

- Тогда чего? - Тимур хнычет как обиженный ребенок, не замечая текущих по щекам слез.

Таисия приближает к нему свое лицо, будто принюхиваясь.

- Не бойся, мышонок. Я тебя не обижу.

Эдик

Тимур не выходил на связь. Эдик звонил ему раз сто - и на мобильный, и на домашний, оставлял сообщения в социалках, на форуме, строчил эсэмэски. Но братан, кажись, залег на дно, и это Эдику совсем не нравилось. Во-первых, Тим «торчал» ему три сотни еще с той памятной вечерухи в «Пирамиде». А во-вторых, Тимова родительница, Маргарита Александровна, собралась прожаривать свои телеса под солнцем Египта - Эдик подозревал, что жарить Маргариту Александровну будет еще и пара-тройка местных мачо, иначе зачем еще тетка за сорок каждый год в Египет летала бы, не надохлых же фараонов смотреть? А раз маменька исчезла с горизонта, хата должна гулять.

Дом у Тимура был богатый, пафосный - свеженький новострой с расчерченной парковкой, нарядными клумбами и лавочками во дворе. И дверь подъезда заявленному пафосу соответствовала - железная, в кованых накладках.

Эдик вдавил кнопку домофона и прислушался к шороху в динамиках.

- Тим! Ты там?

Минуты три ничего не происходило, наконец до слуха Эдика донесся хриплый голос братана:

- Кто... Какого... За каким... Да пошел ты!

Так бы Эдик и стоял, вслушиваясь в предлагаемые адреса, но, к счастью, дверь открылась – хорошенькая соседка, «восьмерка» по международной пикаперской классификации, ухоженная самочка с отпадными буферами, блондинистой гривой волос и белозубой улыбкой выходила на утреннюю пробежку.

Эдик на автомате выдал любимый шаблон:

– Девушка, а вы туфельку не потеряли?

Красотка опустила взгляд к своим ножкам, обутом в беговые кроссовки, и шагнула вперед.

– Тут я должна спросить – «какую?», а ты ответить – «хрустальную?».

– Ну да, – пробормотал Эдик, ощутив в груди непривычное стеснение. – А потом ты должна сказать, как тебя зовут, и дать номер телефона.

Сердце ускорило, перекачивая литры крови. «Восьмерка», вопросительно приподнявшая золотистые брови над изумрудно-зелеными глазами, плавно превращалась в «девятку». Такие женщины, наверное, только раз в жизни встречаются. Надо будет у Тима про нее расспросить. Не может быть, чтоб братан на это чудо, живущее по соседству, внимания не обратил. Какая талия! Ладонями обхватить можно. А ножки! Бесконечно длинные и запредельно стройные! И волосы – золото и мед.

Эдик потянул носом. Ему показалось, что в воздухе разливается сладкий аромат.

– Бог подаст! – В дверях появился смуглый бровастый пацаненок, волочащий за собой чемодан на колесиках. – А это, извини, мужик, не твоей лиги барышня.

В мальчишке было что-то неправильное, нелогичное, но что именно, Эдик так и не успел определить. Красотка рассмеялась, ухватила за ручку чемодана и подняла его без видимых усилий:

– Не злись, Рашук. Может, это любовь с первого взгляда.

Пацан пробормотал что-то неразборчивое и прикрикнул на Эдика:

– Иди, куда шел, рожа похотливая. Развелось вас тут, на квадратный метр... Или ускорение придать?

И имя у него было дурацкое, не местное, и одет он был как бомж, во что-то разношенное и бесформенное, похожее на полосатый махровый халат. По контрасту с ухоженной блондинкой пацан смотрелся как привокзальный попрошайка. Эдик при всей своей сообразительности не мог представить, что связывает двух настолько разных людей. Они родственники? Мать и сын? Не похоже – мальчишке лет двенадцать, красотке – чуть больше двадцати. Хотя с нынешним развитием пластической хирургии любая сорокалетняя тетка может себе юное личико заказать. Странная парочка удалялась в сторону парковки, а Эдик наконец решился:

– Ну хоть скажи, как тебя зовут, принцесса!

Блондинка обернулась через плечо и укоризненно покачала головой:

– Иногда важно вовремя остановиться.

Дверь за спиной захлопнулась с металлическим лязгом, но Эдик уже никуда не спешил. Для него вдруг стало исключительно важно продолжить общение – обаять, заговорить, соблазнить. Ему казалось, что, если сейчас рыбка сорвется, сладкий запах духов будет преследовать его всю жизнь.

– Тогда вот, – парень стал лихорадочно рыться в карманах джинсов в поисках визитки.

Карточки у него были зачетные – дорогая, приятная на ощупь бумага, четкий шрифт, только имя и номер телефона. Особы женского пола, ОЖП, как их называли пикаперы между собой, не должны были получать информации больше, чем ты готов им дать. Должность? Адрес? Домашний телефон? А если жертва окажется навязчивой или влюбленной без памяти, если решится потом преследовать? А кого интересует отработанный материал? Конечно, высшим пилотажем считалось оставить после себя приятные воспоминания без надежды на продолжения отношений. Но разумную предосторожность на заре общения никто не отменял.

– Возьми! – Эдик подбежал к красотке, протягивая свою визитку. – Если захочешь меня найти...

– Тоже мне, неразрешимая задача! – оборванец, оказавшийся нечеловечески проворным, заступил путь и слегка толкнул пикапера в грудь. – Тебя! Самца озабоченного! Найти!

Черные, как ночь, глаза затуманились.

– Эдуард Сидоренко, двадцати трех лет, проживающий с родителями по адресу: улица Индустриальная, пятнадцать, квартира три, временно безработный, вторая группа крови, плоскостопие...

– Рашук! – Блондинка даже злилась прекрасно. – Мы теряем время.

Мальчишка моргнул:

– Живи пока, Сидоренко, торопимся мы! – и смачно сплюнул себе под ноги.

Эдик приходил в себя минут двадцать. Выкурил сигаретку, чтобы табачный запах перебил сладкий цветочный шлейф ее духов, посидел на лавочке, любуясь, как дворник в оранжевом жилете поливает клумбы, и прошмыгнул в подъезд за работником метлы и лопаты, когда тот закончил работу.

Тимур выглядел как после недельного запоя – всклокоченный, с красными глазами.

Из одежды на братане был только шелковый халат родительницы – алый в золотых лилиях, длиной едва до середины бедер. Декольтированная грудь Тима поражала мускулистостью, и полноватый Эдик в сотый раз пообещал себе записаться в качалку.

– Ночка, как я вижу, удалась? – решивший с сегодняшнего дня посвятить себя фитнесу Эдик бодро протопал на кухню и открыл дверцу холодильника – в отсутствие Тимовой маменьки можно было не церемониться.

- Чего это ты, Винни-Пухом заделался?

Все полки холодильника были забиты баночками с медом – пластиковыми бутылками, стеклянными пузырями разного литража. Даже молочники и супница из парадного сервиза Маргариты Александровны стояли здесь же, по венчик заполненные янтарным содержимым. Мед Эдик определял с полувзгляда – тяжелое детство в деревне у бабушки, знатной славигорской пасечницы, накладывает, знаете ли, отпечаток.

- Она сказала, это очень полезно, – рассеянно ответил Тимур, снимая с огня свистящий чайник и заливая кипятком заварку. – Для кожи там и для потенции.

Чайники сразу распустились коричневыми щупальцами.

- Угумс, – Эдик вкусно запивал мед обжигающим чаем и активно поддерживать беседу не мог. – Че за цыпочка? Юбилейная? Как зовут?

Тим запустил пальцы в шевелюру. На запястье звякнули браслеты.

- Кого?

- Телку, которая тебе холодильник медом забила.

Тимур смотрел на приятеля абсолютно стеклянными глазами.

- Зовут... Кинестетический тест: руки – нейтралка, плечи – позитив. Раппорт слабый, доверия маловато... Тая, Таечка, Таисия...

«Скорая» приехала минут через десять. Толстая врачиха велела уложить Тимура на диван в гостиной, измерила давление, заставила высунуть язык. Укоризненно качала головой, выслушивая описание симптомов.

- Истощение у тебя, парниша. Жрал когда в последний раз?

- Не помню, – шепотом отвечал Тимур.

– Давно он в таком состоянии?

Тетка была хамоватая, но дело свое знала. Хрустнула ампула, пластиковая трубочка шприца заполнилась жидкостью.

– Мы с ним не виделись пару дней, – Эдик страшно хотел закурить, но при медработнице стеснялся. – Он с девушкой познакомился...

– Понятно, – игла вошла в руку Тимура повыше браслетов. – Молодо-зелено! На клофелин не похоже, но я бы проверила, все ли вещи на месте.

Глава 1. Мышь обыкновенная

Таисия

За окном выла собака. Тревожно, безостановочно. Я посмотрела на часы. Четыре тридцать. Будильник я накануне ставила на пять, так что поганая псина украла у меня полчаса самого сладкого утреннего сна.

Позевывая, я сползла с кровати, волоча за собой одеяло. За окном было свежо и пахло сиренью. Я с силой захлопнула створку. Вой не прекратился, но теперь хотя бы стал менее слышен. Частный сектор, господа, он такой – тишина, спокойствие, уют и домашние животные в ассортименте.

Кухонька встретила меня какой-то больничной чистотой. В детстве, когда мы с родителями приезжали сюда, кухня становилась средоточием дачной жизни. Здесь всегда вкусно пахло – булочками, киселем или запеченным мясом. На плите в медных погнутых тазах томилось варенье, а у большого, не по-дачному нарядного окна ждали своей очереди превратиться в закуску свежие огурцы, помидоры или осенние яблоки. Мама готовить умела и любила. Я не люблю.

На завтрак у меня планировались тосты и чай, но от недосыпа мутило, и я решила перехватить что-нибудь уже в городе. Пикнул таймер наручных часов, я выдавила из блистера горошину таблетки и запила ее водой из-под крана.

Утренняя рутина заняла минут пятнадцать – прохладный душ для бодрости, тщательное расчесывание непослушной гривы – по сто раз в каждую сторону, как еще бабушка учила, последующее затягивание потрескивающих под пальцами волос в тугий конский хвост. С внешним видом я особо не заморачивалась – люди не шарахаются и слава богу. Джинсы и свежая футболка ждали меня на спинке стула с вечера, я натянула их на еще влажное тело и подхватила с пола рюкзак.

– Прощай! – обернулась я от двери. – Сегодня буду поздно.

Дом тихонько мне ответил: скрипнула половица на втором этаже, заурчал холодильник, который я наконец накануне заполнила продуктами, воспользовавшись службой доставки супермаркета.

Я заперла дверь, ключ опустила в пустой цветочный горшок, именно для этих целей стоящий на веранде, и вывела из сарая велосипед.

– А ты чего коня своего на ночь не запираешь? – донеслось из-за забора. – Тай, а Тай? Он же у тебя тыщи немереные небось стоит?

Я кивнула соседке: «Да, тысячи, да немереные», и застегнула под подбородком велосипедный шлем.

– А кастрюля тебе энта на голове зачем сдалася? – визгливо продолжала Васильевна. – Или боишься, что мозги утекут?!

Васильевна была старше меня всего лет на шесть-семь, я ее помнила еще с детства – визгливую голенастую девчонку, которая не давала мне житья, гоняя по всему дачному поселку подковыристыми вопросами и дурацкими шуточками. И говорок этот ее простоватый, будто слизанный из фильма про российскую глубинку, помнила. Никто в Славигорске так не говорил – энтот, сдалася, небосся.

– А вчерась люди из города приезжали твой дом смотреть, – продолжала меж тем Васильевна. – Я, главное, говорю: «Нету хозяйки, к вечеру с работы возвернется», а они: «Мы туточки оглядимся просто...»

– Как смотреть? – встревоженно переспросила я. – Что за люди? Документы какие-нибудь показывали?

– Солидные люди, стал быть, – обрадовалась моему интересу соседка. – На иномарке, здоровущей такой... Ну знаешь... «Гелендваген»! Во!

Я пожала плечами.

– Суровая тачка. Бандиты какие-то?

– Так кто ж их, Тайка, сейчас разберет...

Дальше Васильевна пустилась в кудахтающие рассуждения о всеобщем падении нравов, а я наконец закрыла калитку.

– У меня просьба будет, – в общении я старалась обходиться безличными оборотами, потому что как обращаться к соседке – на «ты» или на «вы», так для себя и не решила. – Если опять кто-нибудь придет дом смотреть...

– Сказать, чтоб с тобой договаривались?

– Нет, передать, что дачу я не продам. Никогда, ни за какие деньги.

Колеса мягко шуршали по грунтовке, когда я выезжала за территорию поселка. Шлагбаум, некогда преграждавший путь, был поднят, будочка сторожа пустовала. Когда я была маленькой, здесь постоянно дежурили сменные охранники, бдительно проверявшие документы приезжих и знавшие всех местных жителей в лицо и по фамилии. Но за прошедшие года поселок наш основательно захирел – реже приезжали отдыхающие, ветшали домишки. Из-за строительства новой кольцевой дороги и переноса автотрассы добраться в нашу глухомань на автомобиле стало делом сложным. Люди состоятельные предпочитали строить дачи в другом месте – на берегу славигорского водохранилища, до свежего воздуха и прекрасных видов которого по новой дороге можно было домчаться меньше чем за час.

Электричка подошла к обшарпанному перрону минута в минуту. В тамбуре покуривал какой-то мужичок в резиновых тапках на босу ногу, он-то и помог

затащить велосипед.

– Куда влечет столь прелестную особу в столь ранний час? – Попутчик видом своим и перрону, и электричке соответствовал, эдакий безобидный маргинал с дефицитом общения. Я холодно улыбнулась, одновременно демонстрируя приветливость и нежелание продолжать знакомство.

– Барышня рассчитывает успеть к открытию?

– К открытию чего? – Я поморщилась от крепкого табачного дыма. – Вы бы не могли в другую сторону дымить?

– Не нравится – не нюхайте, – отрезал собеседник. – Народное гулянье ознаменует сегодняшнее открытие торгового центра «Пирамида», а пришедшие к открытию оно одарены будут самыми приятными скидками.

На любителя шопинга мужик не тянул, а тянул он на обычного алкаша, влекомого в Славигорск жаждой халявной выпивки и закусок.

– Дегустацию ближе к вечеру планируют, – предупредила я.

Алкаш выдохнул столб вонючего дыма:

– Ваша, барышня, склонность навешивать ярлыки чести вам не делает.

Глаза у него были светло-карие, прозрачные, и читалась в них укоризна.

– Вот вы думаете, алкоголик дядя Витя, дурак дядя Витя... А он, между прочим, внимательно следит за новостями – как городскими, так и международными, и готов, не чинясь, дать совет или поделиться информацией.

«Значит, моего собеседника зовут Виктор», – подумала я, молча разглядывая проносящийся за окошком сельский пейзаж. Про открытие торгового центра я и без «дяди Вити» все знала. Мужичок все бубнил, я пыталась не слушать. «Раз ромашка, два ромашка, три ромашка... шесть...»

– ...раннединастические египетские некрополи – Абидос, Саккара, Тархан, они, конечно, дают нам представление о древних обрядах...

«Восемь галок, девять галок, десять галок, все...»

– ...конечно, они использовали натриевый щелок. Но существуют предания, что некоторых особо важных покойников бальзамировали в меду. Например, тело Александра Македонского было опущено в белый мед, который никогда не таял...

«Вот оно как, – не отводя взгляда от окна, думала я. – Значит, вовсе не алкаш дядя Витя, а местный сумрачный гений, египтолог-любитель, спешащий своими глазами увидеть приуроченную к открытию торгового центра экспозицию».

Мысль рекламщиков, стремящихся обеспечить новую торговую точку большим вниманием СМИ, была проста как три копейки. Название «Пирамида» плюс настоящая египетская мумия равняются информационному поводу. Праздничный концерт с песнями и плясками в центральную прессу, не говоря уж о телевидении, не протолкнуть, а вот древнюю иностранную мумию – пожалуйста. И на канал «Культура» можно, и на исторический, и даже на детский, если ракурсы для съемки понаряднее подобрать.

Пейзаж за окном изменился – мы въехали в промзону. Скоро городской вокзал, и я смогу расстаться с начитанным, но очень нудным собеседником, не прибегая к физическому насилию. Врезать «дяде Вите» мне захотелось сразу после описания извлечения мозга покойника через нос, и желание это меня до сих пор не отпускало.

Я спрыгнула на платформу, попутчик галантно подал мне велик.

– Спасибо. Вы разве не выходите? Это конечная...

Мужичок достал из кармана потертых джинсов новую пачку сигарет и зажигалку, с шиком крутанул колесико о штанину, прикурил и затянулся:

– Вы ступайте, барышня, я, пожалуй, в отстойник прокачусь. Кое-какие дела у меня там.

Я пожала плечами.

– И уж простите меня, дурака старого, что всю дорогу на вас дымил. Эти сущности только табачного запаха и боятся, я уж иначе и отчаялся их отвадить.

Я снова пожала плечами.

– И собаки всю ночь выли, – уже в спину мне сообщил дядя Витя. – Не к добру это, барышня, ох, не к добру.

Я не обернулась.

К подножию «Пирамиды» я подъехала в семь тридцать, оставила велик на стоянке для персонала, показала пропуск сначала заспанному полицейскому, потом бодрому охраннику и через вертушку турникета просочилась в служебные помещения.

Торговый центр уже гудел, готовясь к первому рабочему дню. Шесть ярусов, десятки арендаторов, сотни торговых точек, персонал, точное количество которого мне неизвестно. В восемь часов для посетителей откроют супермаркет на первом-втором этажах. В девять – начнут работу бутики и салоны на третьем. В десять включат эскалаторы на четвертый – фитнес-центр, развлекательный детский комплекс, каток с искусственным льдом, кинотеатр. Я воспользовалась служебным лифтом. Слава Гору, здесь обошлось без псевдодревнеегипетского дизайна, которым щеголяло убранство остальных помещений. Уж не знаю, сколько и кому наш господин и повелитель отвалил за этих жуков-скарабеев, барельефы с Анубисом и цыплячье-желтые драпировки на всех этажах, но сколько бы ни заплатил – все равно много. Цветовые решения будили агрессию, обилие насекомых – инсектофобию, а обнаженные женские фигуры со звериными головами – сомнения в адекватности художника.

Сам Барин, Баринов Аристарх Евгеньевич, владелец заводов, газет, пароходов, ну и счастливый обладатель почти всамделишной пирамиды, его же прихотью возведенной в Славигорске за каких-то полгода, занимал шестой этаж, самую вершину своего детища. Персонал торгового центра в гнездышко «самого» не допускался, особенно после последнего громкого покушения, но, по слухам, там был сплошной хай-тек, даже без намека на саркофаги, захороненьица и мумийки, а с террасы пентхауса можно было любоваться видом города с высоты

птичьего полета.

Створки кабинки разъехались. Я ступила в темноту служебного холла. Это был пятый уровень – не святая святых, но и не место народных гуляний – скорее VIP-зона, включающая выставочный и концертный залы. Именно сюда, если я правильно расшифровала его бормотание, стремился мой утренний попутчик «дядя Витя» – посмотреть на мумию. Без шансов, надо сказать, стремился. Потому что Very Important Persons не любят смешиваться с чернью, а требуют особого отношения. И следуют особыми путями, для простых смертных не предназначенными. Попастись в выставочный зал можно было только от подземного паркинга, воспользовавшись стилизованными под папирусные нильские плоты тележками, ну или как я – перепутав кнопки в лифте для обслуги.

Шорох автоматических дверей за спиной заставил меня обернуться, я опоздала буквально на долю секунды: щель сомкнулась, отрезая меня от света. Наступила полная темнота. Я на ощупь искала кнопку вызова, не нашла, чертыхнулась и решила искать выход на служебную лестницу. Как только я отлипла от стены, сработали датчики движения, и пятачок холла залил искусственный свет. Тысяча чертей! Кнопка вызова лифта отсутствовала, значков пиктограммок с указанием направления к выходу, предписанных пожарной безопасностью, тоже не наблюдалось. А самое странное, что здесь не было ни одной двери. Вообще.

Я несколько раз глубоко вздохнула. Мои наручные часы показывали уже восемь – а это значило, что тот самый дедлайн настал и за каждую последующую минуту опоздания руководитель отдела вычтет из моей и без того небольшой зарплаты.

– Думай, тряпка! – громким шепотом скомандовала я себе. Команда не особо помогла, в глазах почему-то стало двоиться и мне показалось, что воздуха в моей гладкостенной камере поубавилось. Думай!

– Барин любит Египет, это понятно даже такой легкомысленной дуре, как ты, от этого и будем танцевать, – бормотала я, чуть не обнюхивая стены на предмет скрытых рычагов. – Ты тысячу раз такое в фильмах видела – отважные расхитители гробниц нажимают на какой-нибудь посторонний предмет типа подсвечника или дергают за бородку статую Осириса на каминной полке, в полу разверзается отверстие, и Лара Крофт, или Индиана Джонс, или... Должен быть знак, подсказка!

Я в поисках пресловутой подсказки обшаривала пространство взглядом, когда мне на лоб упала капля. Вздрогнув от неожиданности, я отерла ее рукавом. Кап. Я увернулась, подняла голову и, прищурившись, попыталась разглядеть, откуда она сорвалась. До потолка было метра три, но вычурная люстра в виде клубка змей свисала довольно низко. Я подпрыгнула, пытаюсь ухватить рукой одну из змеиных голов. Ладонь скользнула по чему-то слизкому и сорвалась. Подошвы кроссовок мягко спружинили от пола, и один из сегментов стенного покрытия ушел в сторону. «А вы говорите, каминьки и статуэтки, – довольно размышляла я, протискиваясь в образовавшуюся щель. – Интересно, какой грязнуля пользовался потолочным рычагом до меня?»

Это были парадные залы. И мелкие сошки вроде меня могли насладиться их парадным великолепием, только разнося подносы с закусками. Сейчас обширное VIP-пространство было пустым, но при желании могло вместить человек двести, не меньше. Взгляд скользил по аркам, пилонам – и имелся в виду вовсе не шест для стриптиза, а древнеегипетская колонна, по статуям черного мрамора, изображавшим, казалось, весь известный древнеегипетский пантеон. Я увидела Гора, Озириса, кошкоголовую Бастет, повелителя «того света» Анубиса, какую-то тетку, косплеющую в беременного бегемота и, скорее всего, считавшуюся покровительницей рожениц. Нет, я, конечно, девушка начитанная, но не чрезмерно, поэтому на тот момент имя Таурт мне ни о чем не говорило, и даже крокодильих зубов в ее раскрытой пасти я не заметила.

Рука чесалась, я терла ее о штанину, но липкая гадость не желала оттираться. Понюхала ладонь – пахло медом, и я решила, что вполне потерплю до ближайшего умывальника. Застывший хоровод статуй ослеплял чернотой по контрасту с белым мрамором пола. От ног Бастет едва заметными прожилками начиналась извилистая дорожка, уводящая в другой, смежный зал. И я пошла по ней, чувствуя себя не то Дороти в стране Оз, не то персонажем маньяко-триллера, одной из тех грудастых барышень второго плана, которые ходят в темные подвалы, заброшенные котельные, а потом очень удивляются, когда их таки настигает маньяк, или чудовище, или приведение (нужное подчеркнуть), ну или ожившая мумия, до безобразия макабрическая. К примеру, вот такая, которая лежала в золоченом саркофаге на мраморном столе, прикрытая лишь тонким стеклом. Я склонилась над саркофагом. Бурые бинты были намотаны небрежно, обнажая половину страшного лица, я видела впалую пустую глазницу, пучки ветхих лицевых мышц, челюсть, облепленную иссохшей плотью. Под потолком вспыхнул свет, я оттолкнулась от стекла, оставляя на нем липкий след, и юркнула в нишу за возвышением. В зал кто-то входил. И судя по тому, с какой готовностью зажигались лампы...

Неожиданно закружилась голова. Перед глазами как в замедленной съемке появилось страшное мумифицированное лицо, вот я прикасаюсь к стеклу, прозрачная поверхность дрожит, лицевые мышцы мумии приходят в движение и блестящий черный глаз...

Я трянула головой. Нет, показалось. И я еще сильнее вжалась в свой закуток. Если меня сейчас здесь обнаружат, работы я лишусь, это как пить дать. Спина не встретила опоры. Я провалилась в какую-то трубу, печально провожая взглядом удаляющееся пятно света. Лара, черт ее дери, Крофт недоделанная...

Аристарх Евгеньевич

Гость дымил не переставая. И Аристарх, с некоторых пор заботящийся о своем здоровье, внутренне содрогался, вспоминая о вреде пассивного курения. Сегодняшний сеанс в кислородной камере нужно будет увеличить хотя бы минут на пятнадцать. Кто знает, сколько канцерогенов и других вредных веществ осело в его легких за время этой беседы. Пассивное курение, по исследованиям британских ученых, приносит вред больший, чем активное.

Гость усмехнулся в желтые от табака усы и затушил сигарету в услужливо подставленной пепельнице. Сережа, правая рука Аристарха Евгеньевича, страдальчески поднимал брови и бросал на Барина многозначительные взгляды, как бы уговаривая потерпеть еще немножечко. Потому что посетитель, несмотря на общую непрезентабельность, личностью был неоднозначной и, пожалуй, нужной.

Аристарх уже давно делил людей на две категории – тех, кому нужен он сам, Аристарх Баринов, и тех, кто нужен ему. Вторых с возрастом становилось все меньше. Потому что друзья, те самые, которых, в отличие от родственников, мы выбираем сами, остались там, в его бесшабашной, жадной, агрессивной молодости. Сейчас, когда Аристарх Евгеньевич, Арик, как ласково звала его новая любовница Лерочка, собирался разменять шестой десяток, то есть вошел в золотой век каждого мужчины, окружали его либо финансовые партнеры, либо лакеи, ну и такие вот «Лерочки», почти ежегодно заменявшиеся на улучшенные модели. Потому что запросы господина Баринова росли соответственно его благосостоянию, а мужчина определенного уровня не может пользоваться чем-то... некачественным.

Гость пробежал глазами последнюю страницу, захлопнул папку и потянулся за следующей сигаретой:

– Что ж, милостивый государь, ваша проблема мне понятна, – пальцы с плоскими желтоватыми ногтями крутанули колесико зажигалки, – и думаю, в ближайшее время мы сможем ее решить. Финансирование с вашей стороны, конечно, придется увеличить...

– Но позвольте, – встрепенулся Аристарх. – В договоре четко указана сумма.

Гость осклабился, хищно сверкнув белоснежными клыками, и покачал головой:

– Полноте, батенька. Мы тут с вами не в фантики играем. По договору будете своим хмм... работникам платить, в вашем геронтологическом центре. Мы же... хмм... люди независимые, оттого обходимся дороже.

Сережа со своего места пытался подать какой-то знак – подмигивал, хмурил брови. Обслуга у Аристарха была высококлассная, чем он немало гордился. Помощник даже помыслить не мог, чтобы открыть рот без разрешения начальства.

– Ты хочешь что-то сказать, Сергей? – наконец смилостивился хозяин.

Парень кивнул:

– Виктор Иванович, мы беседовали с вашими клиентами, все они отмечают высокое качество вашей работы.

Гость благостно покивал, выпуская из-под усов дым:

– В нашем деле, юноша, главное – безупречная репутация.

– Конечно. Но нам бы хотелось получить от вас что-нибудь... – Сережа сбился, подыскивая правильные слова. – В качестве аванса. Вы меня понимаете?

Аристарх ощутил нечто похожее на умиление. Парнишка отстаивал хозяйские интересы в любой ситуации.

– Конечно, молодой человек, – с хитринкой ответил гость. – Я понял вашу мысль. Давайте закончим сегодняшнюю беседу на мажорной ноте.

Виктор Иванович поднялся с кресла и протянул руку хозяину:

– Позвольте откланяться. Встретимся на вечернем торжестве, сударь мой, и в случае вашего положительного ответа... А впрочем, после поговорим, голуба моя.

Слегка растерянный Аристарх пожал протянутую ладонь. Рукопожатие было крепким и неожиданно весьма болезненным. Жжение распространялось от ладони к кончикам пальцев и становилось нестерпимым.

– Эффект проявится минут через двадцать, – улыбнулся гость. – Вы пока прилягте, с непривычки вам трудно будет стоять на ногах. Молодой человек, проводите меня.

Аристарху Евгеньевичу было так адски больно, что ни думать, ни говорить он не мог, только округлившимися от ужаса глазами смотрел на свою ладонь, на расплывающееся на ней бурое пятно, формой напоминающее кособокого скарабея.

– Идемте, идемте, – поторопил Сережу гость. – С вашим шефом все будет в порядке, не сомневайтесь. В противном случае вы всегда сможете меня найти и призвать к ответу.

Таисия

Это была какая-то вентиляционная шахта, или грузовой отсек самолета, или локация компьютерной игры. Я стояла на четвереньках, почти упираясь спиной в низкий потолок. На стенах, насколько хватало взгляда, inferнально мерцали красные люминесцентные лампочки. «Почему красные? Для кого здесь вообще освещение? Где отверстие, через которое я сюда провалилась?» Мысли тоже мерцали, на несколько страшных мгновений мне показалось, что в том же ритме пульсирует кишка коридора.

– Чего остановилась? Вперед ползи! – требовательный шепот с реальностью меня нисколько не примирил. – Шевелись давай, скоро вытяжку закроют, и мы тут задохнемся к демонам!

Обернувшись через плечо, я заорала и лягнула воздух в лучших традициях пилатеса. Мертвенно-бледная рожа преследователя одарила меня кривой улыбкой:

– И поля камыша нам, как ты понимаешь, не светят.

– Изыди!

– Ты чего, женщина? – Рот чудища был измазан чем-то, что я с перепугу приняла за кровь. – Так славно ползти, в команде, можно сказать, работали...

Он задумчиво вытер подбородок, осмотрел ладонь, близоруко щурясь:

– Как, ты говоришь, тебя зовут?

Первый испуг прошел, дыхание начало успокаиваться, и я осознала, что в полутора метрах от меня, почавкивая, слизывает что-то с ладони обыкновенный ребенок. Мальчишка лет двенадцати, с резкими чертами лица, большими миндалевидными глазами, хищным длинным носом и тонкогубым ртом.

Что он там про вытяжку бормотал? И что вообще происходит? Последнее воспоминание – я лечу спиной вперед в какую-то дырищу. Кто этот мальчишка? И что он, черт дери, жрет?

– Давай сначала наружу выберемся, а потом я на все твои вопросы отвечу, – тоненький голосок, бровки домиком, умильная рожица. – Ну пожалуйста!

Я кивнула и двинулась дальше. Истерику я и на воле закатить успею. Красные лампочки, к моему удивлению, тоже зашевелились, перемещаясь по пути нашего следования.

Я, видимо, как-то неестественно вывернула шею, пытаюсь рассмотреть дивную помесь муравьев со светлячками, потому что спутник мой счел своим долгом

сообщить:

- Ты начала задыхаться в темноте, пришлось быстро освещение организовать. Вот тут подождать надо. Стой! Замри!

Светляки очень быстро начали группироваться у левой стены, переползая через потолок и шурша суставчатыми лапками. Больше всего они сейчас напоминали осиный рой. Мальчишка протиснулся вперед, держа в протянутой руке что-то наподобие резиновой груши.

- Голову береги, сейчас рванет! - и брызнул какой-то жидкостью в самый центр шевелящегося красного пятна.

Рвануло знатно, но почти бесшумно, целый сегмент металлической стены исчез, вместе с ним испарились и насекомые. Подталкиваемая мальчишкой, я выбралась наружу.

Мы оказались в другом коридоре - на этот раз нормальных размеров.

- Еще минутку подожди, дыру заделать надо. - Мальчишка присел на корточки, рассматривая повреждения, потом сложил губы трубочкой и тихонько, почти неслышно засвистел.

Я с удивлением отметила, что одет ребенок в шикарную шелковую пижаму цвета бордо, правда, очень грязную и изрядно протертую на коленях.

Сначала ничего не происходило, потом я услышала далекий шум, какой-то нарастающий стрекот, все пространство коридора заполнилось летящей саранчой. К насекомым я относилась спокойно, но брезгливо передернула плечами, когда вся эта копошащаяся масса начала облеплять стены.

- Пошли! - скомандовал мальчишка и властно взял меня за руку, ладонь у него была липкой. - Считай, следы замели, через двадцать минут тут чистота и порядок будут. У тебя никакого коммуникатора при себе нет? Мне бы план поэтажный глянуть.

Кончик длинного носа шевелился, будто парень к чему-то принюхивался:

– Вай-фай тут точно есть, можно в Сеть выйти...

Я молча выдернула руку.

– Ты чего? Опять повело? Тогда давай кухню найдем, быстрыми углеводами закинемся. А пока – на, пожуй.

– Ты вообще кто? – выбила я из его руки обмусоленный шоколадный батончик. – И какой наркотой ты меня накачал?

– Ничем я тебя не накачивал, – ответил пацан, осторожно поднимая с пола лакомство и пряча его в карман. – Ты, тетенька, сама ко мне пришла, сама кодовый замок вскрыла, сама в вентиляцию потащила... Да вот же он, план!

Мальчишка подскочил к пожарному щитку, рядом с которым в прозрачном плексигласовом окошечке висело изображение ТЦ «Пирамида» в разрезе.

Я тоже приблизилась.

– Куда я за тобой пришла?

– Сюда! – длинный палец ткнул в самую верхушку пирамиды. – Точно, сюда. Потом мы прошли здесь, свернули направо. Правильно? Я еще хотел налево пойти, через холл, а ты запретила, сказала, что там широкий обзор у камер наблюдения...

– Это я тебе сказала?

– А кто же еще? – Мальчишка запустил руки в спутанную шевелюру, волосы у него были черные, давно не стриженные, поэтому достигающие почти до острых мальчишеских лопаток, угадывающихся под тканью пижамы. – Но тогда ты на автомате была и толку от тебя было побольше. Вот ты помнишь, как ты кодовый замок вскрывала или как детектор сетчатки глаза обманула?

– А может, он на меня настроен был? – с сарказмом переспросила я. – Может, это именно я тебя в темнице держала? Что ты на это скажешь, а, Рапунцель?

А как вам такой вариант – я лунатичка? И именно в трансе отправилась пленного ребенка вызволять. Или кто-то очень ловко мною в этом деле управлял?

Я взглянула на часы. Десять. Черт! Мало того что на работу я опоздала – неприлично и непростительно, как обязательно объяснит мне непосредственное начальство, – так еще и два часа моей жизни просто испарились.

– Что последнее ты помнишь?

– Мумию, – уверенно ответила я. – Точно. Я на пятом этаже... случайно туда попала, лифт почему-то... мне на четвертый надо было...

– погоди, – мальчишка, все это время уверенно куда-то шедший, остановился и прислушался. – Прощай, здесь наши пути разойдутся.

Черные как маслины глаза остановили свой взгляд в районе моей груди. Там, где в прозрачном пластиковом окошечке красовался мой пропуск:

– Спасибо тебе... Таисия? Хм... Мне казалось, ты иначе мне представлялась, ну да ладно. Ра-Шу-и-Ки, управляющий колесницами, страж врат и хранитель ключей, благодарит Таисию Вереск и обещает ей исполнение одного желания, если они встретятся вновь.

Юное чудовище оттарабанило эту фразу на одном дыхании и, развернувшись на босых пятках, попыталось гордо удалиться. Я ухватила за шелковый воротник:

– Стоять, хранитель чепуховин! Ты никуда не уйдешь!

Он не сопротивлялся. Длинные, будто нарисованные брови сложились домиком:

– Я ведь хотел как лучше, женщина. Я даже пообещал исполнить твое желание в следующий раз. Только его не будет, этого следующего раза. Тебе лучше забыть обо всем, что ты видела или слышала сегодня. Про мумию тебе тоже лучше забыть.

Мальчишка – как там его зовут, Рашук? – осторожно попытался ослабить хватку, обхватив мои запястья. Я была гораздо выше ростом, поэтому за спутанной

шевельюрой не могла рассмотреть выражения его лица.

– Прощай, Таисия. Возвращайся... Ну, туда, куда ты шла, когда тебя отвлекли. Куда ты шла?

Коже рук стало прохладно.

– На работу, – пробормотала я. – Таисия Вереск шла на работу. Четвертый этаж, офис бухгалтерии, должность – специалист, обязанности...

Неожиданно прямо перед моим носом открылись двери лифта. Монотонный голос звучал уже за спиной:

– Ты пойдешь на работу, женщина, и сочинишь для начальства такую правдоподобную причину опоздания, что все поверят и тебя простят. Эту же причину ты расскажешь каждому, кто будет тебя спрашивать о том, как ты провела утро. И... ты никогда меня не видела.

– Хорошо, – кивнула я, рассматривая широкие серебряные браслеты, будто по волшебству оказавшиеся на моих запястьях, – кованые ленты, украшенные черненными надписями.

Человечек, имя которого я уже забыла, подтолкнул меня в кабину лифта:

– Вот и хорошо, иди, Тая-Таечка-Таисия. Сейчас нажми на кнопку четвертого этажа... И не забудь плотно позавтракать.

В себя я пришла уже в кабинете. Вкусно пахло кофе и свежими пончиками, тарелка с которыми обнаружилась на письменном столе прямо перед монитором. Часы показывали половину одиннадцатого, а остальные сотрудники поглядывали в мою сторону с таким благожелательным сочувствием, что мне было слегка неловко оттого, что причину его я не помнила. Пикнул таймер, я запила таблетку остывшим кофе.

Аристарх Евгеньевич

Господин Баринов спал, и снилось ему приятное – босоное детство в дачном поселке под Славигорском, друг Алешка Берг, с которым они играли в казаки-разбойники, сладкая рассыпчатая картоха, которую с тем же Лешей они запекали в углях костра. Картошка добывалась на соседском участке, и хотя точно такую же можно было выпросить у родителей, стыренная была не в пример вкуснее.

В тот день их было ровно семь – продолговатых тонкокожих картофелин. Нескладный десятилетний Арик, в которого превратился в своем сне Аристарх Евгеньевич, ворошил прутиком серые прогоревшие уголья, выкатывая их одну за одной. Две, три, четыре... Покореженные от жара, слегка подгоревшие, от одного взгляда на них рот наполнялся слюной. Шесть, семь...

– Семь на два не делится! – Леша грустно покачал лобастой головой. – Одна лишняя.

– Это на целое не делится, – успокоил Арик младшего друга. Алексей, только закончивший первый класс, еще ничего не знал ни о дробях, ни о процентах, поэтому важничать перед ним было одно удовольствие. – Седьмую мы можем разрезать на две части и поделиться по-братски.

Они кромсали ее прутиком, дую на обожженные пальцы, и эта поделенная картофелина оказалась самой вкусной.

– Ты все правильно придумал, брат, – серые глаза Алексея улыбались из-под русой челки. – Ты из нас самый умный.

Проснувшись, Аристарх Евгеньевич долго рассматривал потолок. Голова была тяжелой, как с похмелья. Покойный Алексей, являясь в снах, обычно предвещал события глобального масштаба.

Звякнул зуммер внутреннего вызова, с секундной задержкой в прохладную полутьму спальни просочился Сергей:

– Вы просили разбудить вас в двадцать ноль-ноль. Прием начинается через час, Лера ждет в гостиной и...

Барин, не слушая, потянулся к изголовью, нащупывая кнопку коммуникатора.

– Кофе и сок, – велел появившейся на зов горничной.

Сергей почтительно молчал, дожидаясь, пока начальство одним глотком выпьет чашечку эспрессо и пригубит апельсиновый фреш.

– Ну чего там, какие еще «и»? – Аристарх Евгеньевич сидел, опираясь на подушки, как какой-нибудь король-солнце. – Случилось что?

– Ничего критичного, – малоподвижное лицо Сергея выразило озабоченность. – Наш утренний гость связывался со мной, интересовался вашим решением.

Барин неторопливо допил сок, промокнул губы льняной салфеткой и поднялся с постели.

– Смотри!

Пижамная сорочка упала на пол, обнаженный по пояс Аристарх Евгеньевич вытянул вперед руки, будто собираясь исполнить простейшую асану хатха-йоги.

– Замечаешь разницу? На руки смотри!

Сереза удивленно приподнял брови.

Левая рука Аристарха Евгеньевича была обычной рукой пятидесятилетнего мужчины, ухоженного, посещающего массажиста, косметолога, занимающегося с личным тренером несколько часов в неделю, но все же пятидесятилетнего – с дрябловатой в светло-коричневых пигментных пятнах кожей. Зато правая...

Аристарх хихикнул, наблюдая, как холодное лицо Серезы меняет выражение за выражением – от равнодушного интереса к удивлению и даже шоку. Правая рука Барина, та самая, которую пожал, прощаясь, геронтолог Виктор Иванович, была моложе своего владельца как минимум вдвое. От ключицы до ладони под гладкой кожей прорисовывались мышцы, пальцы стали длинными, исчезли неприятные возрастные уплотнения суставов, даже ногти порозовели.

– Ну, что скажешь? – рассмеялся Барин. – Стоит заключать договор или не стоит?

Сергей отвел взгляд и легким прикосновением активировал планшет-органайзер:

– Тогда кроме денег нам понадобится обеспечить геронтологов исследовательским материалом. Переговоры с мальчиком ничего не дали, а юридически мумия принадлежит ему.

– Он всего лишь ребенок...

Аристарх Евгеньевич пожал плечами, направляясь в гардеробную. Стенная панель отъехала в сторону, являя взорам ряды белых крахмальных сорочек, строгих костюмов, туфель тонкой кожи, стойки с запонками, часами, галстуками и другими мелочами, без которых имидж современного состоятельного мужчины не мог считаться завершенным.

– Наши юристы изучили все возможные варианты – этот, как вы говорите, ребенок обеспечен такой международной адвокатской поддержкой, что если мы попытаемся давить...

Силуэт Аристарха скрылся за дверью, а Сергей топтался у входа, не решаясь последовать за Бариним в гардеробную.

– К тому же за последние сутки в саркофаге дважды зафиксированы скачки температуры. Специалисты-египтологи, у которых я сегодня дистанционно консультировался, предупредили, что это может служить признаком распада тканей. Если мумия испортится, даже страшно представить, в какую сумму нам это обойдется...

Аристарх Евгеньевич так резко подскочил к помощнику, что тот смешался и умолк, удивленно глядя на раздраженное начальство.

– Ты, Серый, не бойся, – шипел Барин, разбрызгивая слюну. – Глаза боятся, а руки делают. Если с моей мумией что-нибудь случится, голубок, я тебя первого выпотрошу и вместо нее в саркофаг уложу. Денег ему моих жалко! Не можешь заставить мальчишку – обаяй, уговори. Предложи что-нибудь, от чего он не

сможет отказаться.

Побледневший Сергей замер, в ухе ожила горошина наушника – видимо, возникли какие-то вопросы у начальника охраны, но парень опасался ответить на вызов. Господин Баринов обладал холерическим темпераментом – заводился с полоборота, но и успокаивался тоже быстро. Сейчас главное было не спровоцировать вспышку агрессии, за которую потом было бы стыдно обоим – и агрессору, и пострадавшему. Поэтому Сергей просто молчал, избегая прямого взгляда, и считал про себя. На «три тысячи пятнадцать» Барин фыркнул и отвернулся:

– Проваливай! В гостиной меня подождешь, заодно с Леркой поболтаешь.

Сергей

Уже оказавшись за дверью, он позволил себе недовольную гримасу. Буря прошла стороной, но бдительность терять не следовало – Аристарх Евгеньевич держал свой персонал в состоянии нервного напряжения, не позволяя расслабиться ни на минуту.

Лера, которую положено было развлекать в ожидании Барина, обнаружилась в гостиной. Девушка полулежала в низком уютном кресле, расслабленно глядя на синий, как вечернее небо Каира, потолок.

– Вечер добрый, – прошептала она вошедшему Сергею.

Тренога с курильницей стояла у камина, от нее поднимался дымок.

– Какой волшебный аромат, – повел носом помощник. – Позвольте предложить вам напиток?

Лера рассеянно повела рукой, что можно было счесть согласием, и, кажется, задремала. Сергей, смешивая напитки у бара, краем глаза наблюдал за ней. По мнению немногочисленных подружек, Лерочка Козлова была «свинюшкой», которая незаслуженно сорвала джекпот. По крайней мере, именно это емкое выражение применил начальник службы безопасности, когда составлял отчет. Лерочка, отличающаяся повышенной «попастостью» и «грудастостью», была

действительно далека от строгих стандартов современной красоты, которые диктует нам глянец. Но Аристарх Евгеньевич презирал гляцевые журналы и еще с юности западал именно на таких нимф – с прозрачной молочной кожей, с каштановыми кудряшками на голове, с влажными глазами испуганного олененка. Сколько их уже было на жизненном пути удачливого бизнесмена, знал только Сергей, в рабочем компьютере которого в отдельной папке хранились досье на всех барышень, которых его шеф одаривал своим вниманием. Ольга, Марина, Жанна... От предшественниц Леру выгодно отличало хорошее происхождение. Родители: мама – преподаватель университета и отец – научный сотрудник одного из столичных институтов, души в доченьке не чаяли. Дополнительную пикантность новой связи придавала немалая разница в возрасте. Лерочка через месяц собиралась отмечать свое девятнадцатилетие, а господин Баринов... В конце концов, мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует.

– Прошу, – Сергей подал девушке высокий бокал. – Лайм, мята, ключевая вода – никакого алкоголя.

Лера сморщила аккуратный носик:

– Какая гадость! Ты заботишься о моем здоровье?

Помощник отошел к барной стойке и пожал плечами. Опасаясь помять надетый в честь торжественного приема смокинг, Сергей не решался присесть.

– Мне было видение. Оракул поведал мне, что три дня и три ночи будет густая тьма по всей земле, и день станет как ночь, и...

Сергей нажал кнопку вызова прислуги и велел вынести жаровню.

– Вам не стоит так часто заниматься прорицаниями, – пожурил он девушку, увеличивая мощность кондиционера. – Постоянные воскурения могут плохо отразиться на вашем здоровье...

Собеседница тепло улыбнулась:

– Ах, Сереженька, ты должен понять – это сильнее меня.

Сергей ответил ласковым всепонимающим взглядом. Они оба притворялись, и оба об этом знали. Лера играла роль верной подруги, разделяющей увлечения любовника, а Сергей делал вид, что не догадывается об этом. Лерочка, несмотря на юный возраст, вовсе не была глупа и знала, что в каждой женщине должна быть изюминка, а если ее нет – надо что-то придумать, какую-нибудь начинку. Поэтому были воскурения, гадания на кофейной гуще, определение будущего по форме облаков и полетам птиц и даже – о ужас! – по внутренностям жертвенных куриц. И была любовь – та самая, воспетая поэтами и предрешенная судьбой.

Сергей после продолжительного совещания с Никитой Петровичем, начальником службы безопасности, счел умственные завихрения барышни неопасными и о том, чем она занимается, дабы сбросить эмоциональное напряжение, начальству не сообщал. Ах да, официально Лерочка была студенткой. Исторический факультет, первый курс. А на втором курсе, как сообщала девушка всем желающим послушать, когда будет распределение на специализации, она займется именно Древним Египтом, а если конкретнее – периодом великих храмовых строителей фараона Рамзеса Третьего. Родители будущего историка были счастливы.

– Воркуете, голубки? – Аристарх Евгеньевич появился неожиданно, отодвинув драпировку. «Пирамида» кишела потайными переходами: полые стены с отверстиями для подглядывания и подслушивания, замаскированные люки, приводящиеся в движение тайными рычагами, двери, которые вели в никуда или, напротив, дверями вовсе не являлись. Казалось, в проекте своего детища господин Баринов воплотил все детские мечты. Сергей, предпочитавший в своей работе опираться на современные технические разработки, к игрушкам начальства относился скептически. Но подыгрывал, чего уж там. Должность обязывала.

Шеф был в смокинге, а в отведенной правой руке держал маску. Многослойное золототканое одеяние фараона, которое доставили начальству сегодня утром, после примерок было решено не надевать.

– Засмеют меня, Сереженька, – сокрушался Аристарх, вертясь перед зеркалом. – Дурачье необразованное, как были мелкими бандюками, так и остались...

Помощник, в сути славигорского истеблишмента разбирающийся не понаслышке, согласно кивал.

Лерочка вскочила с кресла и захлопала в ладошки:

– Арик! А мы тебя заждались. Идем же, идем скорее, я хочу танцевать.

Девушка закружилась по комнате, прозрачный шифон юбки взметнулся над круглыми коленками. Коротковатый лиф платья открывал нежный животик и Сережа чуть больше, чем это было прилично, задержался взглядом на темной впадинке пупка. Конечно, лет через десять Лерочке предстоят нешуточные сражения с лишним весом, но сейчас девичьи прелести были восхитительны.

Барин восторга помощника не разделил.

В бальный зал спускались по лестнице. Крошечная Лерочка держала своего господина и повелителя под руку, ее кудрявая головка была где-то на уровне Аристархова плеча. Сережа едва плелся в арьергарде, чтоб не привлекать внимания. Поправив в ухе горошинку наушника, он внимательно вслушивался в комментарии начальника охраны. Никита Петрович черно-костюмной громадой маячил на заднем плане помещения, зорко осматривая зал. А прием был поистине королевским. Присутствовали «король выпечки» – владелец самой крупной в Славигорске пекарни и кондитерских цехов господин Крутиков, владелец конкурирующей сети супермаркетов «Завалинка» – господин Аврамов, несколько депутатов городского совета, помощник мэра Элеонора Завалящева – дама, приятная во всех отношениях, и оба заместителя губернатора – молодые люди с оксфордскими дипломами и надменными, видимо, по причине заморского образования, лицами. Остальная публика была рангом ниже. Ни мэр, ни губернатор на праздник не явились, и Сергей сделал мысленную заметку – с утра устроить разгон в PR-отделе и пресс-службе. Денежки работникам «пера и топора» платились немалые, а отдача оставляла желать лучшего.

Появление хозяина было встречено аплодисментами. Аристарх Евгеньевич с лучезарной улыбкой поклонился.

– Дамы и господа, рад приветствовать вас в моем новом доме! Добро пожаловать!

Барин взмахнул рукой, свет потускнел, в полумраке ярко вспыхнули настенные факелы. Грянула музыка. От приглашения аутентичного струнно-дудочного квартета пришлось отказаться ввиду несовременности исполняемых им

композиций. Поэтому оркестр славигорской филармонии радовал гостей некими стилизованными попури по мотивам. В ритмичный бой барабанов вплелись звуки струнных инструментов, и Аристарх Евгеньевич, подавая пример гостям, подхватил Леру и сделал несколько танцевальных па. Приглашенные журналисты защелкали фотоаппаратами. Несколько пар присоединились к танцу, и господин Баринов отпустил партнершу:

– Развлекайся, красавица.

Девушка послала любовнику воздушный поцелуй и упорхнула к группке своих подруг. Барышни все были приличными, неоднократно проверенными службой безопасности и приглашались исключительно, чтобы юная Лера не чувствовала себя одинокой. Щебечущие девушки быстро организовали в центре зала некий томный хоровод, привлекая добродушный интерес гостей и завладев вниманием фотографов. Египетский дресс-код вечеринки с готовностью поддержали только женщины: длинные разрезы платьев, открывающие бедра, массивные браслеты на руках, драгоценные диадемы шли не всем, но каждая из приглашенных дам чувствовала себя настоящей Клеопатрой. Лерочка танцевала, томно прикрыв глаза и подняв руки, подобно изображениям на египетских фресках. От любования ее плавными движениями Сергея оторвал раздавшийся в ухе голос начальника охраны:

– Я во втором секторе, поговорить надо.

Помощник вызвал в памяти секторальный план зала и отправился в указанное место. В толпе гостей сновали официанты. Обслуга сегодня была одета в темные балахоны с капюшонами и маски из птичьих перьев. Костюмы шились специально для торжества и должны были, с одной стороны, привлечь внимание, с другой – обезличить. С первого взгляда невозможно было определить даже пол спрятанного под балахоном человека. Сергей взял с ближайшего подноса бокал с соком, отпил и поискал глазами ожидающего начальника охраны.

Никита Петрович Кузьмин потел. Это было не следствием жары или физической нагрузки, а просто неприятной особенностью организма. Сергей маленькими глотками допил сок и слегка поморщился, глядя на бисеринки пота, выступившие на лбу Никиты Петровича.

- Где мальчишка?

Опустевший бокал предупредительно забрал официант.

- Сергей Николаевич, именно о нем я и хотел вам доложить.

- С ребенком что-то случилось?

- Нет, ребята за ним присматривают... - большая рука начальника охраны описала полукруг. - Вон там, у левого столика.

Восточный принц Ра-Шу-и-Ки в костюме скромного египетского писца, с гладко зачесанными за уши волосами целеустремленно поглощал пирожные.

- Как он жрет! Нет, вы только посмотрите на это! - восхищенно протянул Кузьмин. - В молодости все что угодно в себя запихивать можно - метаболизм позволяет.

- Так в чем проблема? - перебил начальника охраны Сергей.

- Мальчик куда-то уходил, - опустил глаза собеседник. - Никто не знает куда, и, самое главное, как. Горничная приходила в его комнаты около одиннадцати - мальчика на месте не было. Девушка сразу связалась со мной, ребята обыскали помещение. Никаких следов взлома, файлы видеокамер подчищены. Мы прочесали все этажи - беглеца не обнаружили.

- Почему вы сразу мне не сообщили? - Сергей мог быть очень неприятен. - Желаете на пенсию? Или по статье уволить?

- Ну, так он сам вернулся, - залепетал огромный Кузьмин. - После очередного рейда ребята решили еще раз комнаты осмотреть, а он на месте. Сидит за компьютером как ни в чем не бывало...

- И как он сам объяснил свое отсутствие?

- А никак! Сказал, что ни перед кем отчитываться не обязан.

Сергей кивнул. Высокомерие господина Ра-Шу-и-Ки ни его росту, ни юному возрасту не соответствовали. Никита Петрович дышал через раз, ожидая решения.

– Хорошо, – сказал наконец Сергей. – Файлы видеонаблюдения скиньте мне на почту, горничную – завтра с утра в мой кабинет, сразу за ней – ваших охранников. Я хочу побеседовать с каждым из участников. Шефу пока говорить не будем, сами разберемся.

Кузьмин кивал, соглашаясь с каждым словом.

– И еще. Немедленно отправьте пару сотрудников обыскать комнату нашего юного гостя. Если он что-то к нам притащил, спрятать это он мог только у себя. Свободны, Никита Петрович, работайте!

И уверенный в том, что его указания будут исполнены, Сергей направился к столику, за которым сидел мальчишка.

– Добрый вечер. Все в порядке?

Один из охранников подал стул, и Сергей в первый раз за вечер присел.

Юный хам смерил собеседника презрительным взглядом и цапнул с блюда очередной кремово-ореховый шарик:

– Повар в вашей богадельне так себе, – сообщил с набитым ртом. – В привокзальной булочной «Три с половиной поросенка» выпечка гораздо нежнее.

«Малыш желает со мной поиграть? – подумал Сергей, никак не отразив лицом возникшее раздражение. – Какое самомнение! Значит, знает, гаденыш, что про его побег уже все известно, и на эмоции меня развести пытается? Когда я его из трущоб вытаскивал, он поскромнее был»

– Позвольте полюбопытствовать, господин Ра-Шу-и-Ки, какими деньгами вы расплачивались за нежную выпечку? Насколько я знаю, наличности у вас с собой не было.

– Славигорские женщины жалостливы, – пожал плечами мальчик. – А я чертовски обаятелен.

Густые брови сложились домиком.

– Дайте попробовать, тетенька, оно та-ак вкусно пахнет! У вас золотые руки, хозяйюшка, – дурашливая нежность в голосе ребенка могла растопить Антарктиду.

Помощник кивнул:

– Что ж, я оплачу вашу трапезу в заведении «Три с половиной поросенка».

– Ты все правильно понял, Ищук, – величественно кивнул ребенок. – Если вопросов больше нет, исчезни, мне к выступлению готовиться надо.

Сереза очень не любил, когда его называли по фамилии, но снова раздражения не показал.

– Завтра в первой половине дня мне бы хотелось с вами побеседовать, найдите для меня время в своем плотном расписании...

«...между компьютерными играми и бесцельным разглядыванием потолка», – это Сергей додумал про себя.

– И какова будет тема нашей беседы?

– Нужно уточнить кое-какие юридические вопросы. По законам нашей страны вы, принц, не можете выступать лицом юридическим, так что оформление опеки – для нас сейчас первоочередной вопрос.

Ра-Шу-и-Ки скептически поднял густые брови:

– Тогда, Ищук, озаботься приглашением моих адвокатов. С мутным типом вроде тебя по-другому я разговаривать отказываюсь.

Улыбка у него была жесткой – тонкие яркие губы растянулись, обнажив острые мелкие зубы, и мальчишка стал похож на крысу – сообразительного смуглого крысеныша.

– Я посмотрю, что можно сделать, – ровно ответил Сергей. – Приятного вечера, принц. До встречи.

– О да, вечер будет приятным, – пробормотал мальчишка и, подозвав к себе одного из охранников, начал что-то ему объяснять.

Аристарх Евгеньевич заскучал, наметанный взгляд Сергея отметил недовольную гримасу Барина. Шеф поигрывал золотой маской, исподтишка рассматривая свою правую руку:

– Сережа, ты Виктора Ивановича приглашал? Я хотел бы с ним парой слов переброситься.

– Это было бы опрометчивым решением, – возразил помощник. – Поступила информация, что наши конкуренты заинтересовались геронтологическими исследованиями. Если Виктора попытаются перекупить...

– Понятно, – Аристарх примерил маску, его серые глаза теперь смотрели сквозь золотые прорези. – Надо будет охрану в лаборатории усилить и, вообще, организуй для ученых удобную опытную площадку.

Сергей кивал, запоминая указания.

– И да, вот еще что... Лерку домой потом отвези. Не хочу, чтобы она на ночь оставалась. Она, конечно, дурочка, но вот это вот, – шеф приподнял руку, – не заметить не может.

– Будет исполнено.

Аристарх руку не опустил:

– Знаешь, мне кажется, что она постарела. Да не Лера, болван, – кожа. Прямо на глазах опадает. Надо поближе рассмотреть.

Помощник бросил взгляд на часы:

- После торжественной части можно будет уходить. Может, вызвать медиков?

- Потом сам их в целях сохранения конспирации в бетон закатаешь? Я никому не доверяю, Сереженька, а уж врачам тем более.

Шеф вдохнул:

- Что-то мне невесело, думал, «Пирамиду» открою – до потолка скакать буду, как мальчишка. А ничего, кроме усталости, не ощущаю.

Сергей молчал – в монологи начальства вступать не рекомендовалось.

- На рожи эти уже смотреть не могу, – распаялся Аристарх. – Аристократы, едрить твою налево! А то я не знаю, из каких чуланов они на свет повылазили. Вот этот вот – банкир Толоконников, валютой на рынке в лихие годы торговал, с лохов стружку снимал, а сейчас – чистый тебе английский лорд, или вот...

Помощник молчал, исподволь поглядывая по сторонам, не прислушивается ли кто к начальственным откровениям. Сережа работал на господина Барина уже семь лет и выступал благодарным слушателем не в первый и даже не в пятьсот первый раз. Однако разговор надо было сворачивать. Судя по многозначительным жестам начальника охраны, присутствие помощника требовалось в другом месте.

Разгоряченная танцами и коктейлями Лерочка оказалась весьма кстати.

- Арик, любовь моя, девчонки спрашивают, когда мы покажем им мумию. Скоро, да?

Шеф взглянул на помощника, Сергей молниеносно извлек свой органайзер:

- Буквально через несколько минут. Аристарх Евгеньевич, пришло время представить публике нашего восточного принца?

Но принц ждать отмашки не стал. Музыка смолкла, погасло верхнее освещение, в неровном факельном свете в центр залы вышел юный Ра-Шу-и-Ки. Мальчик держался с такой уверенностью, что танцующие расступились, освобождая ему место. Черные глаза обвели приглашенных тяжелым взглядом:

– Дамы и господа! Задумывались ли вы, что такое жизнь и для чего мы живем?

Одинокий прожектор высветил лицо мальчишки. Зрители замерли. Сергей невольно восхитился организаторскими способностями маленького обжоры. Всех этих постановочных изысков на репетиции не было.

– Древний египтянин ответил бы на этот вопрос так: я живу для того, чтобы умереть, чтобы через смерть познать новую вечную жизнь.

Тихо, очень тихо вступил барабан. Гулкое «бум-бум» подстраивалось, казалось, под сердцебиение каждого из присутствующих в зале. Мальчишка взмахнул рукой, барабанный бой участился, паркетное солнце, украшающее пол, медленно повернулось, сложило лучи и разъехалось в стороны. Из образовавшегося отверстия величественно поднялся черный помост. Зрители ахнули. Возвышение было похоже на алтарь какого-то древнего божества. Мальчишка в своей долгополой рубахе приблизился к помосту и взошел на первую ступень. Прожектор послушно следовал за ним.

– Слава тебе, сиятельный самодержец, правящий миром Дух беспредельной власти! Атум-Хармахис, жаркий исток восторга в душах людских, Когда в небеса восходишь. Дивная Сущность, склонная к обновленью яркого Диска в лоне твоей Атирис.

В пульсацию барабана вплелась нежная скрипичная мелодия.

Сергею не нужно было заглядывать в органайзер, он и так помнил, что текст, составленный для мальчишки пресс-службой, был совсем другим. Юное дарование должно было поведать об истории Древнего Египта, рассказать несколько расхожих баек про жуков-скарабеев и Анубиса, бога загробного мира. И саркофаг из-за кулис должны были вынести бронзовокожие мускулистые атлеты, заодно прорекламировав услуги «Фитнес-центра», расположенного

этажом выше. Но Ра-Шу-и-Ки каким-то образом обставил организаторов и все переиграл, и Сергею это совсем не нравилось. Восточный, черт его дери, принц! Три раза «ха»! Смуглый оборвыш подвизался со своей мумией в соседней губернии, за гроши демонстрируя свою «реликвию» посетителям парка аттракционов. Черт!

Сергей до скрипа сжал челюсти.

Мальчик с радостью согласился на подработку, выдал на-гора жалостливую историю о революционном перевороте в маленькой африканской стране и о том, что является единственным прямым потомком свергнутой королевской династии, вынужденным теперь скитаться вдаль от дома, попрощался с коллегами и с улыбкой отправился в новую жизнь. В Славигорске «принца» будто подменили. Капризы и нелепые требования следовали одно за другим. А когда Сергей попытался давить, из потертой котомки юного авантюриста появилась увесистая стопка подтверждающих сертификатов, экспертных заключений и юридически безупречно составленных договоров. Барин, к тому времени уже загоревшийся идеей получить свою личную мумию, осторожные замечания помощника в расчет не принимал. А уж когда Ра-Шу-и-Ки притащил Аристарху Евгеньевичу фолиант восемнадцатого века, в котором описывались удивительные свойства приготовленных из мумий порошков и настоек, Сергей понял, что мальчишка его переиграл.

– Это панацея, Сереженька! – восторженно говорил шеф. – Лекарство от всех болезней и рецепт вечной молодости! Средство Макропулоса! Философский камень!

«Скорее, каннибализм», – обреченно думал Сергей, не смеющий перечить начальству.

А потом мелкий попытался украсть деньги. Электронная транзакция была остановлена в последний момент бдительным начальником финансовой службы. Барин от тревожных новостей отмахнулся:

– Подумаешь, большое дело. Сам, что ли, в детстве не озорничал?

Так Сережа не «озорничал», но возразить было нечего. Начальству импонировала тяга его нового друга к авантюрам. Помощник усилил

наблюдение и, когда выяснил, что мальчишка тайно выбирается по ночам и до утра шатается по городу, решил предвосхитить события и просто запер юное криминальное дарование. Современная система охраны – камеры, сканеры, вход и выход по пропускам. До сегодняшнего утра Сергею казалось, что он все предусмотрел.

Ритм ударных ускорился, Ра-Шу-и-Ки стоял на помосте спиной к зрителям.

– Все меркнет перед величием Египетской цивилизации. Узрите же царя древности и падите ниц!

Мальчик, воздев руки, рухнул на колени.

А потом раздался выстрел, и рухнул уже господин Баринов.

Лера

Барин рвал и метал. После покушения его доставили в личные апартаменты. Медики кружились над телом пострадавшего подобно стае стервятников, Лера всхлипывала в углу, а Сергей с начальником службы охраны переминались с ноги на ногу, вытянувшись во фронт.

– Дуболомы! – орал Баринов, сдергивая аппарат для измерения давления и запуская им в ближайшего медика. – Ничего доверять нельзя! Преступник задержан?

– Никак нет, – по уставу отвечал Никита Петрович. – Ему удалось уйти через лифтовую шахту.

– Идиоты!

– Наши ребята начали преследование, все выходы перекрыты, гостей мы попросили не расходиться.

Аристарх Евгеньевич откинулся на диванную подушку:

– Пошли все вон!

– У него ни царапинки, – шепотом сообщил Лере главный медик. – Будто заговоренный наш хозяин.

Эскулапы потянулись к выходу, прихватив оборудование.

– Как же так, Арик? – Лерочкин стон слегка разрядил обстановку, по крайней мере, перенес внимание Барина с помощников.

Аристарх Евгеньевич посмотрел на девушку, скривился, пожевал губами:

– Иди пока погуляй, красавица. Мы тут с мальчиками поговорим.

– Но это уже третье покушение за последние месяцы! Арик, я боюсь!

Баринов открыл рот, но тут Сережа решил проявить благородство. Он приблизился, потрепал Лерочку по обнаженному плечу и, подав ей руку, сопроводил к двери.

Оказавшись в коридоре, девушка тряхнула головой. Скотина! Бурдюк набитый! Да как он смеет разговаривать с ней в таком тоне? Старикашка!

В стеклянный потолок пентхауса барабанил дождь. Лера прошла к лифту. Ехать домой не хотелось, да и кто ее отпустит сейчас, когда помещения обыскиваются охранниками и уже подъехавшими полицейскими? Теперь придется ждать, пока все возможные свидетели будут допрошены, и Барин соблаговолит дать своим гостям свободу. Процедура была девушке знакома. За то время, которое она состояла в отношениях с Аристархом Евгеньевичем, покушались на него неоднократно. Был уже загадочный отказ тормозов, когда Барин решил сам вести автомобиль на горном серпантине. Лера тогда очень испугалась – она не могла остаться одна. Не так, не сейчас. Старикашка был ей пока нужен. А еще в Арика стреляли. Это произошло во время вечеринки, устроенной на личной яхте господина Баринова. Они как раз маневрировали между островками полноводной Слави, когда раздался хлопок выстрела и на белой сорочке Аристарха Евгеньевича расплзлось алое пятно, оказавшееся впоследствии вином из разбитого пулей бокала, но тогда всеми принятое за кровь.

Девушка покачала головой. Кто-то крайне зол на славигорского магната. Кто-то настойчивый и не очень удачливый. Если бы, например, Лера задумала убить Арика, она действовала бы гораздо хитрее. Сначала стала бы его любовницей, затем, пользуясь допуском в ближний круг... А, кстати, что бы она могла сделать? Разве что задушить возлюбленного голыми руками? Оружие на встречу не пронесешь, входы во все места, где проводит время господин Баринов, снабжены воротцами металлоискателей, сумочку осматривает бдительная охрана, да и личный досмотр стал для Леры уже привычной процедурой. Яд? Пожалуй. Но Барин никогда не съест и не выпьет ни капли того, что не было подвергнуто тщательной проверке. Даже личные повара всегда работают под присмотром камер.

Размышлять над способами убийства любовника было забавно, но непрактично. Господин бурдюк еще нужен. Глупых фантазий на тему замужества и пополнение местной аристократии своими отпрысками Лера не имела. В ее планы входило подружиться с Аристархом Евгеньевичем еще годика полтора, пока папа закончит свою книжку, а мама, не без помощи «поклонника дочери» вошедшая в ученый совет университета, без спешки переведется в один из зарубежных вузов. Да, семье Козловых от господина Баринова нужны были вовсе не деньги, как мог бы подумать досужий обыватель, а связи, которые он мог предоставить. Какие деньги? Это со стороны может показаться, что ближний круг богатого человека находится под постоянных золотым дождем, а на самом деле чем человек богаче, тем он прижимистее. Ну да, время от времени Лерочка получала от любовника подарки. Но обналичивать их было той еще морокой. Лера, конечно, нашла каналы, по которым можно было сдавать однажды надетые дизайнерские тряпочки в славигорские бутики, но вырученных денег хватало разве что на булавки. К тому же она сразу дала понять Арику, что спит с ним не из-за корысти, а по большой любви. Самое странное, что он, кажется, верил. Верил, что его дряблое пятидесятилетнее тело дарит девятнадцатилетней красавице ни с чем не сравнимое наслаждение. Вот ведь дуралей. Сама Лера свое будущее тоже с родным городом не связывала. Полтора года, максимум – два, и она отправится продолжать образование за рубежом, а уж там найдет для себя и тело помоложе, и дело, которым впоследствии будет заниматься с удовольствием и не особо напрягаясь.

Двери лифта разъехались на VIP-этаже, Лера быстро нажала кнопку закрытия. В зал идти не хотелось. Придется утешать встревоженных подруг, общаться с полицией, хлопать глазами и всхлипывать. Она спустилась гораздо ниже, почти на парковку, и достала из прикрепленного к поясу клатча мобильный. Окно было узким, как бойница, и выходило на холмик, покрытый газонной травой. Девушка

порылась в записной книжке, нашла контакт, озаглавленный «Маша-маникюр», и нажала кнопку вызова. После четвертого гудка ей ответил мужской голос:

– Какие люди, душа моя. На Олимпе неспокойно?

– Записывай, – сказала девушка, не утруждаясь приветствием. – Сегодня во время вечеринки для избранных на Барина было совершено покушение. Произведенный в зале выстрел поверг в панику весь цвет славигорского бомонда.

– Из чего стреляли? – быстро переспросил мужчина.

– А это предстоит выяснить органам правопорядка.

– Барин убит?

– Даже не ранен, – хихикнула Лерочка. – И я на сто процентов уверена, что он не захочет огласки. Кстати, преступнику удалось скрыться.

– Ты мне первому позвонила?

– И единственному, Максим. Так что за эксклюзив тебе придется доплатить.

Максим Еськов, журналист «Славигорских ведомостей», своего информатора ценил чрезвычайно, поэтому назвал цифру, заставившую девушку радостно улыбнуться.

– Благодарю, душа моя. Мне нужно срочно отозвать верстку утреннего номера. Если появятся какие-нибудь новости, звони в любое время.

Они попрощались, Лера спрятала мобильный. Исполнять роль внедренного агента ей нравилось. Может быть, именно журналистика и есть ее стезя?

Она прошла по коридору, толкнула фанерную дверь, ведущую в служебные помещения. Ей нужно было вернуться в холл другим путем. Камер слежения в «Пирамиде» было великое множество, и попадаться в зону их видимости не хотелось. Кстати, интересно, как преступнику удалось обойти камеры? Кто он?

Один из гостей или неприметный прислужник на празднике? Он предварительно изучил расстановку камер, заблокировал кабинку служебного лифта, чтобы оставить пути к отходу?

До лифта было метров двадцать, когда Лерочка заметила мужчину, сидящего у двери на дощатом ящике.

– Вы кто? – сердце пропустило удар, девушка с ужасом подумала, что совсем одна в этом полутемном коридоре, что, даже если камера, подмигивающая со стены алым глазом, видит ее, помощь придет не сразу и незнакомец успеет...

Но что бы он там ни планировал, действовать не спешил, – вся поза его выражала расслабленное внимание, а черные блестящие глаза смотрели на девушку со спокойным дружелюбием. Он был высоким, это было заметно даже в такой позе, и малоодетым. Бедра незнакомца охватывала только египетская повязка, – Лера вспомнила, что она называется схенти, а плечи – плоские чеканные пластины широких браслетов.

Он не преступник? Тогда кто? Стриптизер, приглашенный на праздник? Это возможно. Кожа мужчины была смуглой и гладкой, фигура мускулистой, но без присущей культуристам избыточности, волосы, густые и черные, глянцевой волной падали на плечи.

– Кто вы? – повторила Лера, убедившись, что немедленно убивать ее не собираются. – Гость?

– Пожалуй, гость, – согласился он густым рокочущим басом, – гость, не желающий попадаться на глаза хозяевам.

– Меня зовут Лера, – сообщила девушка. – И я...

Тут гость встал, и продолжение фразы повисло в воздухе. Таких красивых мужчин Лерочке видеть еще не приходилось. В нем все было прекрасно. И рост его, за два метра, нисколько не мешал изяществу движений. Мышцы под золотистой кожей красиво перекачивались, взгляд девушки скользнул по его груди вниз, к поясу схенти, туда, где заканчивались кубики пресса.

- Время и место?

- Что?

- Я спрашиваю тебя, Лера, как называется это место и в какое время я попал.

Густой мускусный запах коснулся ее ноздрей, Лера сглотнула.

- Хотя, думаю, ваши самоназвания мне ничего не скажут, - продолжил гость. - Тебе знаком Ра-Шу-и-Ки?

- Принц? - девушка опять попыталась сглотнуть, но горло спазматически сжалось. - Он, наверное, наверху, с остальными гостями.

- Принц? - мужчина усмехнулся, обнажив белоснежные зубы. - Позови мне его.

Изящная рука с длинными пальцами коснулась Лерочкиной щеки, девушку будто ударило электрическим разрядом, сердце ухнуло вниз, затем вверх, часто забило о грудную клетку, ноги ослабли. Лера подумала, что секс с этим человеком должен быть великолепным, самым лучшим в жизни. Интересно, сколько ему лет? Он явно старше ее, но вот насколько? Двадцать пять? Тридцать? А впрочем, плевать, даже если он ровесник революции. Лера хотела его немедленно. Вот прямо на этом ящике. Она облизнула пересохшие губы. Черные глаза незнакомца - как же его все-таки зовут? - блеснули пониманием:

- Иди, милая, скажи принцу, что его ждет дайгон, потом сообщи, где меня можно найти.

- А потом? - Лерочка посмотрела на ящик, испытывая явное томление.

- А потом забудь обо мне, - ласково проговорил дайгон, что бы это ни значило, - и о нашем разговоре тоже забудь.

Она кивнула и пошла к лифту.

Рашук был в зале, сидел у стола с пирожными и при виде Лерочки скривил перемазанные кремом губы:

- Что тебе нужно от меня, женщина?

Лера рассказала и, как только белая рубаша мальчишки скрылась в дверном проеме, обо всем забыла.

Максим переведет на ее счет приятнейшую сумму, день не прошел зря. Остается немножко поизображать скорбь и тревогу, поболтать с подругами, рассказать свою версию событий полиции, и она сможет поехать домой, выпить ванильный кофе у окна, по которому барабанит дождь, выкурить припрятанную ментоловую сигаретку и немножечко подумать о густом, как патока, томлении, которое непонятно почему поселилось внизу живота.

Таисия

Пискнул таймер, таблетка скользнула в сухое горло. На стоянке, по крайней мере в той ее части, которая предназначалась для простых смертных, никого не было. Торговый центр давным-давно закрылся, и только рабочие пчелки вроде меня, не успевшие за восьмичасовой рабочий день покончить с отчетами, могли здесь появиться. А припозднилась я знатно. Голова была тяжелой и просто отказывалась работать, занятая мыслями о том, откуда на моих руках оказались серебряные браслеты. Я делала ошибку за ошибкой, исправлять которые пришлось уже после окончания рабочего времени. Мне в жизни только выборочной амнезии для полного счастья не хватало, честное слово! Где я была? Как оправдалась перед начальством? И как эти чертовы браслеты снять? Они не доставляли никакого неудобства, не сжимали запястья, но кисти рук освободиться от них не желали. Из чего следовал еще один вопрос: как я вообще их надела?

Я отстегнула велосипед, придерживая его коленом, закрепила на багажнике сверток, поправила на плече рюкзак и перекинула ногу через раму, чтобы начать свое путешествие домой. Время было довольно позднее и, несмотря на обилие фонарного света, у стен «Пирамиды» уже сгущались зловещие тени. Я мягко тронулась, ловя равновесие, и что-то дернуло меня за штанину - видимо, она попала в цепь. Пришлось остановиться и устранять неисправность. Черт! Три тысячи чертей! Штаны, конечно, придется выбросить, металлические зубцы выдрали изрядный кус ткани, да и смазку все равно не отстирать никакими средствами. Колеса заклинило намертво, я опять чертыхнулась и, закинув своего

верного коня на плечо, потащила его поближе к угловому фонарю. За углом у другого служебного входа кто-то курил, и запах табачного дыма заставил поморщиться. Работников за перекуры штрафовали нещадно, и немногие страдальцы, еще не расставшиеся с пагубной привычкой, искали укромные уголки, чтобы предаться пороку.

Я бросила на асфальт рюкзак, отвязала багаж, осторожно перевернула велосипед на попа и присела на корточки, выживая ткань из цепи. За углом пискнул дверной зуммер. Курильщик что-то пробормотал. Слов я не разобрала, да и язык, кажется, был иностранным.

– Хлеб и пиво, – раздался высокий мальчишеский голос.

– То, что ты, мой юный друг, используешь древнее египетское приветствие, почитая тем самым богиню плодородия и пива Изис, похвально.

Интонации были знакомыми. В памяти всплыло «...раннединастические египетские некрополи – Абидос, Саккара, Тархан, они, конечно, дают нам представление о древних обрядах...» Алкоголик дядя Витя? Я же с ним утром в электричке познакомилась. Значит, удалось мужичку в «Пирамиду» просочиться. А что он здесь делает так поздно? Народное гулянье по случаю открытия торгового центра давно закончилось, вечеринка для избранных, о которой сплетничали у нас в кулуарах, скорее всего, тоже.

Вдалеке послышался звук полицейской сирены, поэтому что ответил мальчишка, я не услышала.

– Баринов – наш со всеми потрохами. Я ему расчудесный фокус продемонстрировал. Ты был прав, о, хранитель врат и управитель колесниц, человеки стремятся не просто к бессмертию, а к бессмертию здоровому и полному сил. Ради вечной молодости разлюбезный Аристарх Евгеньевич в лепешку расшибется.

– Молодец, – похвалил собеседника мальчишка. – Работай дальше.

Мне очень хотелось дослушать странный разговор, но на дорожке, ведущей от главного входа, появился мельтешащий свет фонарей, сюда шли полицейские. Что бы ни произошло сегодня в «Пирамиде», я не имела ни малейшего желания

потратить вечер и без того нелегкого дня на общение с представителями органов правопорядка. Поэтому я, к этому моменту как раз справившаяся с цепью, быстро надела на плечи рюкзак, подхватила под мышку сверток и тихонько отвела своего железного коня в тень стены, там пробралась за мусорными контейнерами, по асфальтированной тропинке между трансформаторных будок, у одной из которых пришлось немного задержаться, и, уже оседлав велосипед, обогнула холм, спустившись к реке. Меня никто не заметил.

Лишь в электричке я позволила себе расслабиться и подумать о странном разговоре двух странных людей. О неудачном покушении на господина Барина я услышала только наутро, из утреннего выпуска новостей.

Гроза над поселком началась, когда я уже подъезжала к дому. Зигзаги молний расчертили ночное небо, загрохотал гром. Я едва успела юркнуть в дверь сарая, когда за моей спиной дождь буквально сплошной стеной рухнул на землю. Прикрывшись какой-то ветошью и стремглав добежав до крыльца, я бросила рюкзак в углу, стащила кроссовки и пошла в ванную, оставляя на дощатом полу мокрые следы. Электричества не было, но горячей воды хватило, чтобы принять душ. Завернувшись в махровый халат, я приготовила ужин, благо плита у меня газовая, заварила чай и уселась за кухонный стол, включив ноутбук. Городские новости не обновлялись часа четыре, так что последнее, о чем мог узнать досужий славигорчанин, было то самое народное гулянье в «Пирамиде». Я быстро пробежала глазами статью, полюбовалась яркими фотографиями. Для всех пришедших на праздник в костюме мумии полагались скидочные талоны в супермаркет, поэтому публика креативила изо всех сил и с удовольствием позировала фотографам. Да уж, не представляет себе наш народ, как это выглядит на самом деле. Я вспомнила страшное лицо под полуистлевшими бинтами и передернула плечами. Стоп! Откуда картинка? Откуда госпожа Вереск знает, как выглядит мумия?

Я уставилась в монитор остановившимся невидящим взглядом, рассеянно прокручивая на запястье браслет. Утро, стоянка, вертушка турникета, лифт, а потом – оп-ля! – специалист Вереск на своем рабочем месте.

Потянувшись к столу, я взяла чайную ложку, зачерпнула янтарный мед из стеклянной банки. Ммм... Вкуснотища!

В лифте тоже был мед, рукой в него вляпалась, как сейчас помню. Я облизала ложку и потянулась за добавкой. Браслет звякнул о горлышко банки, со щелчком разъединился, упал на столешницу, я отдернула руку, схватила себя за запястье левой, другой браслет тоже пропал. Что за чертовщина?

Ноутбук выдал сообщение, что заряда батареи хватит ненадолго, а потом экран потух. Одновременно очень близко грохотнуло, а потом, почему-то вослед, а не перед раскатом грома, вспыхнула молния. По коже пронеслась змейка электрических разрядов, наэлектризованные волосы плыли в воздухе над моими плечами, с кончиков пальцев срывались искры.

Бесконечность, бесконечный полет, мириады звезд и миров, я мечусь среди них, я желаю, больше всего желаю найти его, того, кто мне предназначен. Я не знаю, кто он и где, но я найду, уверена, что найду. Защищать, быть рядом, всегда, вечность.

Я сидела, безвольно опустив руки на колени, вокруг меня бушевали электрические вихри, а перед лицом парил нестерпимо яркий фиолетовый шар, из которого на меня внимательно смотрели блестящие черные глаза.

– Улягусь я на ложе

И притворюсь больным.

Соседи навестят меня.

Придет возлюбленная с ними

И лекарей сословье посрамит,

В моем недуге зная толк.

Эти стихи я знала прекрасно, они даже в школьную программу входили. Что-то там из построчного перевода поэзии Древнего Египта. Удивительно, зачем я принялась их декламировать шаровой молнии. Страшно было просто до чертиков. Не хотелось заканчивать свою жизнь вот так, случайно, не сделав то, что планировала, не закончив начатого. Это несправедливо, в конце концов.

– Я не хочу умирать, – всхлипнув, проговорила я в пространство. – Не так, не сейчас.

Потрескивания разрядов стали громче. Перед тем как зажмуриться и окончательно принять свою судьбу, я успела заметить, что молния мне подмигнула.

Глава 2. Тайны серой мыши

Таисия

Будильник прозвонил в пять. Я еще немножечко понежилась в постели, вызывая в памяти вчерашние события. Я пообщалась с шаровой молнией и осталась жива, что радовало. А вот неожиданная выборочная амнезия по-прежнему вызывала тревогу. Этого со мной происходить не должно, даже если учитывать побочный эффект медикаментов. Часы, оставленные с вечера на тумбочке, пискнули таймером, я достала из блистера утреннюю таблетку. А если все-таки побочка? Тогда нужно к врачу, а значит, придется отпрашиваться с работы, что неминуемо понизит мой внутрикорпоративный рейтинг, влияющий на уровень зарплаты. А деньги мне нужны, очень нужны.

Я побрела на кухню, включила телевизор, сунула в тостер два кусочка хлеба, заварила чай. По местному каналу шли криминальные новости, видимо, чтобы зарядить ранних пташек вроде меня позитивом. В пригороде обнаружен труп девушки, опознание проведено, но в интересах следствия имя жертвы пока не разглашается. На размытых кадрах можно было различить берег реки Слави и какие-то кусты, снимали, судя по всему, на мобильный. Максим Еськов, звезда местной журналистики, заверил, что будет держать зрителей в курсе событий. Еськов вещал из студии, на столе перед ним в кадре дымилась чашка с утренним кофе.

– И это еще не все! – после музыкальной отбивки продолжил журналист. – К нам поступили эксклюзивные сведения о покушении на почетного гражданина нашего города, бизнесмена и филантропа Аристарха Евгеньевича Барина. К счастью, неудачное.

Репортаж с места событий тоже был снят на мобильный. Длился он секунд тридцать. Сначала камера выхватила мальчишескую фигурку с вздетыми к небу руками. Тонкий голосок прокричал что-то вроде «Узрите!», потом раздался хлопок выстрела, истошный женский визг, и камера заходила ходуном.

– Очень информативно, – фыркнула я и потянулась через стол к банке с медом.

Я прекрасно помнила, что с вечера оставила банку на столе, поленившись убрать ее в холодильник. Она была литровой, тонкостенной и едва начатой. То есть еще вчера была. Сейчас она блистала пустотой и чистотой, а на донышке ее, как будто вылизанном, лежали два серебряных браслета. Что за чертовщина?

Во входную дверь забарабанили, я пошла открывать. На пороге стояла Васильевна.

– Утро, – буркнула она недовольно. – Там твои бандиты во дворе кукуют, иди, сама им скажи, что дачу продавать не хочешь.

Я кивнула, посторонилась, пропуская соседку внутрь. Васильевна прошла в кухню, взяла из шкафчика чашку:

– Кофе у тебя нет? В такую спозарань подниматься пришлось.

– Где-то был, – улыбнулась я, решив, что отныне буду Васильевне «тыкать», – на полках посмотри.

Бандиты оказались вида отнюдь не бандитского. Приятные молодые люди в одинаковых темно-серых костюмах. Их было трое, и похожи они были друг на друга, как близкие родственники. Беседа, проходящая у блестящего черного «Гелендвагена», продлилась минуты три от силы. Я поздоровалась и сообщила, что продавать дачу не намерена.

– Таисия Алексеевна, – вкрадчиво начал один из молодых людей, сверившись с бумажкой, – может, вы сначала ознакомитесь с нашим предложением?

– Ознакомься, Тайка, – жуя многослойный бутерброд, Васильевна вышла на крыльцо. – И мне покажи. Может, за какие деньжищи я свою дачу им продам. У

меня и домик справнее твоего, и земли огородной поболе.

– Нас интересует именно недвижимость госпожи Вереск, – возразил молодой человек и сунул мне в руки прозрачную пластиковую папку. – Вы посмотрите наше предложение, а потом сообщите свое решение.

Поверх папки лег прямоугольник визитной карточки.

Я пожала плечами.

– Не торопитесь. Посмотрите, подумайте, посчитайте. И скажу вам по секрету, – молодой человек понизил голос до заговорщицкого шепота, – наш клиент готов заплатить и больше указанной суммы. Торг уместен.

Сквозь прозрачный пластик мне было видно кругленькие нолики после первой цифры и количество их не могло не произвести впечатления.

Я прижала папку к груди и снова кивнула, уже не так уверенно.

– Так я жду вашего звоночка. В любое время жду.

Молодые люди попрощались и уехали, лихо заложив вираж по деревенской грунтовке.

– Покажь, – велела Васильевна, когда мы вернулись на кухню.

Я бросила документы на стол, открыла новую банку с медом, намазала тост, присела, прихлебывая остывший чай.

Васильевна присвистнула, пробежавшись взглядом по бумагам.

– Чего делать будешь?

– Наверное, продам, – сказала я. – Только не сейчас, а... Мне еще проконсультироваться кое с кем нужно, чтобы точно решить.

Соседка пододвинула ко мне бутерброд с колбасой, я отрицательно качнула головой:

- Спасибо, нет.

- Ты больна, что ли, Тайка? - всплеснула руками Васильевна. - То-то смотрю, худая, бледная, не жрешь ничего.

- Я в городе пообедаю.

- Ври больше. Я болезнь за версту чую.

- Как тебя зовут? - устало спросила я Васильевну. - Ты же не намного меня старше, почему тебя все по отчеству называют?

- Светка, - ответила соседка. - Светлана Васильевна Смирнова. Ты чего, забыла? Мы же с детства с тобой знакомы. А называют так из уважения.

Я торжественно пожала пухлую ладошку, будто заново знакомясь.

- Так чего там у тебя? - настойчиво вернулась к теме Светка. - Сердце?

Кивнув, я огласила диагноз.

- Что за абракадабра. Это на латыни?

- Аутоиммунное заболевание, генная мутация.

- А от чего?

- Да не знает никто.

- Наследственность? Странно. Я твоих родителей, Тайка, хорошо помню. И мать-красавицу, и отца. Здоровые же люди были, если бы не несчастный случай, всех бы пережили. Как так-то, горе-то какое!

Жалости мне не требовалось, ну вот абсолютно. Поэтому, оставив соседку сокрушаться, я отправилась в спальню, чтобы одеться. Вчерашние джинсы все еще были мокрыми, поэтому я вытащила из шкафа льняной брючный костюм.

– А ты где все эти годы пропадала? – донеслось из-за двери. – Ну как родители погибли, ты где жила? У тебя же никаких родственников не осталось.

– В разных местах, – я вышла из спальни, оглаживая лацканы пиджачка.

– Классно выглядишь, – решила Васильевна. – А вернулась зачем? На родину потянуло?

– Именно.

Разговаривать с соседкой было несложно. Можно было не отвечать на прямые вопросы, не обижая собеседницу скрытностью. Зачем я вернулась? Хороший вопрос, но именно из тех, безответных. Вернулась, потому что надо было.

Я попрощалась с Васильевной, которая уходить явно не собиралась.

– Приберусь и посуду помою, – сообщила она, вытирая столешницу рукавом халата. – Побрякушки свои не наденешь?

Браслеты звякнули о стекло.

– Тыщи немеренные стоят, поди? Кавалер подарил?

Я пожала плечами. Если бы я знала, откуда они появились.

– Это бижутерия.

– Ври больше! Зуб даю, это каратное серебро, или сплав с золотом, электрум называется, уж у меня на это глаз наметан, в ювелирке лет десять оттрубила. Продать не хочешь?

– Не хочу, – я вытряхнула браслеты на столешницу и надела на запястья, серебро приятно холодило кожу.

До «Пирамиды» я добралась без приключений. Отчет мой начальство одобрило. Во время кофе-паузы, которые в нашей конторе соблюдались неукоснительно, мне удалось позвонить врачу и назначить встречу на сегодня. В кулуарах шушукались о вчерашнем покушении на Барина. Две барышни у кулера, куда я подошла запить таблетку, говорили вполголоса:

– ...как заговоренный наш Барин, честное слово! Главное, ни царапины на нем нет. Полиция все утро службу допрашивает. Бухгалтерию трогать не будут, но шеф говорит, если вдруг допрашивать будут, отвечать кратко и откровенно...

– А слышала, опять труп на берегу нашли? Думаешь, это как-то связано?

– Не знаю, но уже страшно по вечерам домой ходить. Надо шефу сказать, чтобы служебную машину для развозки организовал.

Потом они отошли, и продолжения разговора я не услышала.

В обеденный перерыв я вышла прогуляться по территории, забрела на внутренний двор, где вчера чинила велосипед. Окурки с асфальта еще не убрали. Их количество указывало на то, что беседа странного мальчишки и не менее странного дяди Вити продолжалась долго.

Кто же они, черт дерит? И почему мальчишка кажется мне знакомым?

К служебному входу подъехал фургончик, на дверях которого было написано «Шутейка. Магазин приколов».

Я миновала мусорные контейнеры, повторяя как мантру «Ра-Шу-и-Ки...». С памятью нужно что-то делать, может, попросить врача какое-нибудь средство для стимулирования мозговой деятельности? За холмом около трансформаторных будочек кипела жизнь. Двери одной из них были нараспашку, группа полицейских в черной летней форме что-то там высматривала.

Я резко развернулась на каблуках, – мешать официальным лицам при исполнении явно не стоило. Фургончик все еще стоял у входа. Служащий, на комбинезоне которого красовался тот же логотип «Шутейка», передавал большую картонную коробку какому-то мальчику, смуглому, вихрастому, почему-то одетому в махровый халат.

– Да, да! Иван Иванович Иванов, все правильно, – высоким голосом говорил подросток. – Сам за меня распишись, руки заняты. Оплата наличными, ага. Тоже сам, все сам, в правом кармане порыйся. Хих! Щекотно!

Я не остановилась, хотя порыв такой был, глядя под ноги пошла к двери, борясь с желанием хотя бы искоса рассмотреть говорившего. Голос я узнала. Ра-Шу-и-Ки, вчерашний собеседник сумеречного гения дяди Вити. Напускная скромность сыграла злую шутку. Потому что одновременно со мной движение начал и мальчишка. Мы столкнулись в дверном проеме, картонный ящик заехал мне в бок, мелкий витиевато чертыхнулся, разжимая руки, и прожег меня гневным взглядом:

– Смотри, куда прешь, женщина!

Я озвучила свое мнение о его воспитании, которое, впрочем, его нисколько не интересовало, о чем он мне не преминул сообщить в самых креативных выражениях.

– Рот потом с мылом помыть не забудь.

Я посмотрела на его яркие губы, измазанные предположительно шоколадом, сердце екнуло. Я должна его помнить.

Юный креатор фыркнул, хмыкнул, а затем замолчал с остановившимся взглядом, направленным на запястье моей руки, которую я прижимала в области так некстати расшалившегося сердца.

– Каким образом? – беззвучно шепнул он. – Кто ты такая?

Я решила не отвечать, хотя бы в воспитательных целях, и гордо удалилась. Тем более что обеденный перерыв подходил к концу.

Бухгалтерию все-таки допрашивали. Шеф, конечно, стонал о бессмысленном разбазаривании рабочего времени, но велел всем по очереди заходить в соседний кабинет, освобожденный под нужды полицейских. Я была предпоследней, отвечала на вопросы молоденького следака рассеянно, думая больше о странном мальчишке и о том, что через полчаса отправлюсь к врачу. Следователь записал мои данные в блокнот, а прежде чем попрощаться, сказал:

– Вы, Таисия, за городом живете. Попрошу вас проявлять осторожность, когда домой возвращаетесь. Накаленная криминогенная ситуация в вашем районе.

Я воспользовалась главным эскалатором торгового центра. Навстречу мне по параллельной эскалаторной дорожке поднимались двое мужчин, причем один из них мне был знаком – принаряженный в дорогой бледно-серый костюм алкоголик дядя Витя, которому что-то говорил его спутник, стоявший вполборота на несколько ступенек выше. Я проводила его взглядом – мужчина был красив экзотичной нездешней красотой, лощеный, ухоженный, с блестящими волосами и прожаренной в солярии кожей. Хотя, может, и не в солярии, может, на каком-нибудь Гоа такой загар приобретают. Они поднялись на верхний пролет, и я, чуть не свернув шею, осознала, что никакими разными ступеньками там и не пахло. Экзотический красавец возвышался над дядей Витей чуть ли не на метр.

Великан заметил мое внимание, улыбнулся, подмигнул. Похожие глаза я напридумывала себе вчера в электрических завихрениях шаровой молнии. Моя дорожка неожиданно кончилась, я споткнулась и полетела лицом вниз. В последний момент оттолкнувшись локтем от поручня, мне удалось восстановить равновесие. Я обернулась посмотреть, восхищен ли великан моей ловкостью, но верхняя площадка была пуста.

Наг

Он, конечно, заметил, как маленькая хрупкая девушка исполнила внизу нечеловеческой сложности трюк, как и то, что за мгновение до падения браслеты активировали левитрон, не позволяя ей упасть. Нужно будет спросить Ра-Шу-и-Ки, почему их снаряжение находится в пользовании местной девы, и наказать за легкомыслие.

Рой, идущий рядом с ним, был беспокоен, Наг видел, каких усилий стоит ему поддержание этой формы.

– Капитан, вы уверены, что вам нужно лично знакомиться с местным феодалом?

– Да, это необходимо. Нам нужен доступ к его ресурсам, ты этого обеспечить не сможешь.

– Я слишком долго держал эту форму, – грустно сказал рой. – А здесь... сущности. Это отвлекает.

– Насекомые?

– Да, обладающие лишь зачатками коллективного разума, а оттого бессмысленно свирепые. Их может отогнать только дым табака.

– Уже через несколько часов ты сможешь деформироваться и отдохнуть, – пообещал Наг.

Подчиненных было положено ценить и беречь, если иного не требовали обстоятельства. Уставом, между прочим, положено. Тем более что в теперешней форс-мажорной ситуации они проявили себя неожиданно неплохо. Авария вывела из строя управление корабля, капитан пострадал настолько, что исполнять свои обязанности не мог, поэтому члены экипажа, запечатав медкапсулу с его телом, постарались внедриться в местный социум. Прекрасное решение. Рашук воспользовался домашней заготовкой, и она сработала, даже несмотря на то что ошибка приземления составила больше трех тысяч лет. Регенерация заняла некоторое время, но прошла вполне успешно, теперь Наг должен был принять на себя руководство, сняв с подчиненных ответственность.

Они прошли пост охраны. Рой, которого сейчас звали Виктор Иванович, ориентировался в местных обычаях, поэтому Наг, следуя его примеру, спокойно поднял руки и позволил охранникам себя обыскать.

Господин Баринов принял их в спальне. На низком пуфике в изголовье сидела волоокая Лерочка Козлова, которая при виде вошедших облегченно вздохнула и поспешила удалиться. Наг ответил полуулыбкой на ее влажный призывный взгляд. Малышке явно требовался кто-то помоложе и поактивнее ее немолодого любовника. Наг был не против. Это было удобно, девочка была миленькая. Так почему бы и нет, если это не помешает делу?

Они остались в спальне вчетвером, помощник Барина, представившийся Сергеем, закрыл за девушкой дверь.

– Что вы со мной сделали? – громким шепотом обратился Барин к Виктору Ивановичу. – Как?

Он выпростал из-под одеяла руки, испещренные коричневатыми пигментными пятнами.

– Это откат, любезный мой Аристарх Евгеньевич, – спокойно ответил рой. – Наши технологии действуют от пяти до десяти часов, после чего тело возвращается к исходной форме.

– Оно стало хуже.

– Вам только кажется, – рой присел на краешек постели, рассматривая кожу, но не прикасаясь.

– Как вы это сделали?

– Мы не открываем наших секретов, – строго ответил Виктор Иванович. – Я хотел лишь продемонстрировать вам, батенька, каких результатов вы сможете ожидать, продолжив наше сотрудничество.

– Я впечатлен, – после паузы сообщил Барин.

– Тогда позвольте вам представить нашего сотрудника, с которым вы будете общаться в ближайшее время.

Наг слегка поклонился.

– Я вынужден покинуть страну уже сегодня, – продолжал рой. – Но господин Наг, известнейший в наших узких кругах специалист, заслуживает вашего полного доверия.

Помощник был против. Сергей демонстрировал лицом весь спектр недоверия. В другой ситуации его можно было бы ментально продавить, но накануне Наг уже воздействовал на юную Леру и опасался, что лишними усилиями замедлит свою еще не завершившуюся регенерацию. Все нужно делать постепенно.

- Что требуется от нас? – спросил Сергей, кончиками пальцев активируя планшет.

- Во-первых, необходимо обеспечить нашего сотрудника местом для работы. Исследования не прекращаются ни на минуту. Во-вторых, материал.

Сергей замер. Рашук все еще не давал им согласия, а мумия принадлежала ему.

- Сережа все устроит, – Баринов говорил с нажимом. – Извините, господа, я еще слаб после покушения и хотел бы отдохнуть.

Виктор Иванович, ожидая скорого освобождения, широко улыбнулся:

- Позвольте вас немного подлечить.

Он взял Аристарха Евгеньевича за запястья двумя руками. Нагу было видно, как из серого рукава на собеседника скользнула узкая дорожка полупрозрачных насекомых. Фокус роя состоял в том, что на время он делился с магнатом частью себя. Через пару часов часть эта вернется к владельцу, но пока крошечные жучки, из которых рой и состоял, протискивались под кожу, впрыскивая реципиенту лекарственные секреты. Негуманоидное происхождение штурмана не раз выручало их команду.

Сергей отвел Нага на нижний этаж, продемонстрировал неплохо оборудованную лабораторию, а также жилые комнаты. Предполагалось, что покидать «Пирамиду» Наг не будет. Он равнодушно оценил обстановку, отметил с десяток скрытых камер и две явные. Помощник собирался плотно его контролировать. Виктор Иванович их покинул, сославшись на срочные дела.

- Где мумия? – спросил дайгон, присаживаясь в кресло у журнального столика.

- Ее доставят как можно быстрее, – ответил Сергей неуверенно.

– У нас какие-то проблемы.

– Что вы! Никаких.

– Виктор Иванович поведал мне, что нынешний владелец нашего материала не желает с ним расставаться.

– Я его уговорю.

– Позвольте мне, – улыбнулся Наг, – мои коллеги считают меня неплохим переговорщиком.

Тут пришлось слегка продавить, недоверие к нему Сергея было слишком сильным, ему хотелось возразить просто так, из-за немотивированного отвращения к собеседнику.

– Давайте попробуем, – помощник сам удивился своему решению, но быстро перестал об этом думать.

Они вышли из комнаты в небольшой холл. Воспользоваться лифтом не удалось. У самых его раскрытых дверей стояла стремянка, перегородив вход, и копошились какие-то рабочие в синих комбинезонах. Один стоял на стремянке, по локоть засунув руки за потолочное покрытие, чертыхался, перещелкивал какие-то рычаги, другой придерживал лесенку. От щелканий мигало не только освещение холла, но и внутренняя подсветка лифта. Вдруг рабочий вскрикнул, ему на голову потекла какая-то вязкая субстанция.

– В чем дело? – строго спросил Сергей.

– Гнездо диких пчел, – объяснил другой работяга, вовремя отпрыгнувший и потому не пострадавший, – пчел мы выкурили, но Степка, вон, гнездо раздавил, теперь сладкий будет, как Винни-Пух.

Степка матюгнулся вполголоса и спрыгнул. Стремянка, накренившись, упала, следом упал из потолочного провала рычаг в виде змеи, повиснув почти до самого пола.

– Понятно, – Сергей покачал головой с неодобрением. – Исправьте все как можно быстрее, и пусть уборщики здесь почистят, когда закончите.

Помощник отошел метров на пять, поискал на полу какую-то отметку, наступил на заметную только ему щель, подпрыгнул, одна из стенных панелей отъехала в сторону, открывая еще одну лифтовую кабинку.

– Шеф любит непростые решения, – пояснил он Нагу.

Они воспользовались этим лифтом, затем коридором, перегороженным немалым количеством металлических дверей. У каждой из них Сергей склонялся к окошку сканера сетчатки, у последней проговорил в щель микрофона несколько слов, идентифицируя голос.

«Рашуку придется прилагать массу усилий каждый раз, когда необходимо выйти», – подумал Наг.

Створки раздвинулись. Сергей повел рукой:

– Наш принц не очень ко мне расположен, поговорите с ним наедине.

Дайгон кивнул и вошел внутрь. Он был уверен, что сей же момент господин Ищук приникнет к скрытому монитору, чтобы проконтролировать беседу.

Апартаменты Рашука были зеркальным отображением его, Нага, апартаментов. Мальчик сидел на ворсистом ковре гостиной, скрестив ноги, и смотрел что-то на крошечном экране коммуникатора:

– Капитан?

– Хлеб и пиво, – Наг присел рядом. – Сколько здесь камер?

– Все мои, – Рашук встряхнул коммуникатор. – Любопытствующие не услышат ни слова. Изображение я не трогаю, чтобы не вызывать подозрений, но звук перекодирован. Ваша беседа с нашим повелителем Бариновым прошла успешно?

– Да. Фальшивая мумия подготовлена?

– Так точно! – милая мальчишеская улыбка осветила жесткое лицо, Рашук мальчиком, конечно, не был, но ему почему-то нравилось изображать из себя ребенка. – Я поломаюсь еще для вида, подпишу документы и исчезну.

– Не слишком долго, – велел дайгон, – я обещал Ищуку, что обладаю талантами переговорщика.

– Как скажете.

Наг кивнул. Беседу можно было считать законченной, но для зрителей надо было продлить ее, демонстрируя приложенные усилия.

– Ра-Шу-и-Ки нашел себе здесь даму сердца?

– Кого? – Рашук фыркнул, как будто поперхнувшись.

– Я видел внизу девушку, которая пользовалась левитроном.

Пилот покраснел.

– Это какая-то ошибка, капитан. Эта дева ворвалась ко мне накануне, каким-то образом обойдя все детекторы сетчатки, потащила меня в вентиляцию, повторяя... Капитан, я был уверен, что это вы ее послали, проснувшись. Ведь браслеты были на вас, я решил, что саркофаг – наилучшее место для их хранения.

– Я проснулся, – задумчиво сказал Наг.

Он вспомнил зеленые прозрачные глаза с золотыми точками вокруг зрачка, испуганные такие глаза, и бледные крепко сжатые губы вспомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/korostyshevskaya_tat-yana/mumiya-v-medu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)